

Terrafire

Пиратская Сага

18+

Terrafire

Пиратская Сага

«Автор»

2026

Terrafire

Пиратская Сага / Terrafire — «Автор», 2026

«Пиратская Сага» — мрачное фэнтези, в котором романтика морских просторов оборачивается проклятием, а груз прошлого становится цепями, не дающими шагнуть вперёд. Юный юнга Клаус Таннер мечтал найти своё место в жестоком мире пиратов и королевского флота, но вместо славы и приключений его преследуют тени, тянущиеся с самого детства. Встреча с харизматичным авантюристом Филиппом Монтеро меняет всё: вместе они пускаются в опасный путь, где каждое решение может стать последним — или же даровать бессмертие по ту сторону жизни. Это история о том, как прошлое не отпускает, о цене свободы и о выборе между тьмой внутри и тьмой вокруг. Для тех, кто любит пиратский мрак, сверхъестественные проклятия и истории на грани жизни и смерти.

© Terrafire, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Новый день — Новый юнга	7
Поохотимся на акул?	11
Мертвецы не рассказывают сказок	16
Ах, Тортуга! Прекрасный, дивный мир...	20
Неизбежное случается	24
Старая подруга, новая судьба	26
Папа, я пиратка!	36

Terrafire

Пиратская Сага

Пролог

Гроза рвала небо в клочья. Молнии вспарывали тучи одна за другой — белые, ветвистые, ослепительные, — и на мгновение мир заливался мёртвенным светом. Ветер выл в снастях, рвал паруса, которые давно убрали, и швырял в лица пригоршни солёных брызг — таких колючих, будто битое стекло. Волны вздымались выше бортов и обрушивались на палубу с глухим, утробным рёвом, и от каждого удара доски вздрагивали, передавая дрожь в ноги. Корабль стоял на якоре — в такой шторм плыть было невозможно, — и команда в полном составе забилась в нижние отсеки, пережидая бурю. Все, кроме одного. Старый моряк брёл по краю палубы, пошатываясь так, что каждое мгновение мог рухнуть за борт. Пальцы скользили по мокрым перилам, и он цеплялся за них с отчаянной силой пьяного, который не понимает, что уже почти мёртв. Он горланил песню, перевирая слова, — голос его тонул в грохоте волн, но он упрямо продолжал, будто спорил с самой бурей. — Йо-хо-хо-хо... — икнул он. Корабль резко качнуло, швырнув его плечом на перила. Он удержался чудом. — ...и бутылка рому... Из люка нижнего трюма высунулась голова боцмана. Джек только что поднялся наверх проверить, не сорвало ли якорный канат, и с первого взгляда понял: Оливер снова в стельку. Мокрый, взлохмаченный, в расстёгнутой рубахе, он стоял под ливнем и лыбился, как деревенский дурачок. — Оливер, морской дьявол тебя поberi! — рявкнул боцман, перекрывая шум волн. — Ты опять напился?! В такой шторм — и на палубе?! Оливер с трудом сфокусировал взгляд на боцмане. Глаза его были мутными, с поволокой, и свет молнии отражался в них двумя белыми вспышками. Он медленно узнал Джека, и пьяная ухмылка растянула его обветренные губы. — Да иди ты к чёрту, Джек... — выдохнул он. — Выглядишь как утопленник! Джека передёрнуло. Слово прозвучало как выстрел среди тишины — хотя никакой тишины не было, гремел гром, выл ветер, но именно это слово резануло слух острее всего. На судне его запрещено было произносить даже шёпотом — плохая примета, старая, как само море. Утопленник. Тот, кто ушёл под воду и не вернулся. — Заткнись сейчас же, дурак, — прошипел боцман, перегнувшись через перила. Вода затекала ему за воротник, и он то и дело смаргивал, чтобы хоть что-то видеть. — Не дай сам морской, услышит. Пожалеешь потом, Оливер. Клянусь тебе — пожалеешь. Но Оливер только махнул на него рукой — мол, отстань. Снова затянул пьяную песню, приложился к почти пустой бутылке и, покачиваясь, побрёл дальше вдоль борта. Джек проводил его взглядом, полным злости и бессилия, сплюнул за борт. Бесполезно. С этим дуралеем говорить — что в стену горохом. Свалится — сам виноват. Не вылавливать же его потом из пасти акул, если те вообще рискнут подойти в такую бурю. Боцман нырнул обратно в люк и захлопнул крышку. Оливер остался на палубе один. — Утопленник... — повторил он и хрипло рассмеялся. — Хех... утопленник... Слово почему-то веселило. Он покачивался, переступал неверными ногами, пока не опёрся спиной о борт. Бутылка выскользнула из мокрых пальцев, ударилась о доски, покатилась и замерла на краю оконного выступа — того самого, куда складывали канаты. — Вот же чёрт... — пробормотал Оливер и, цепляясь за перила, потянулся за ней. Тело перевесилось через борт — ноги оторвались от палубы на пару дюймов, и он чуть не вывалился в бушующее море. В последний момент он вцепился в мокрое дерево и, тяжело дыша, повис, пытаясь дотянуться. — Ну давай... иди к папочке... — прохрипел он. Он не слышал, как позади на палубу взобралась тень. Она поднялась из-за борта бесшумно — если и был какой-то звук, то его заглушил гром. С неё ручьями текла вода, смешанная с тиной и чем-то тёмным, густым, что пахло тухлым мясом и железом. Доски под её шагами скрипели про-

тяжно и жалобно, но Оливер, увлечённый бутылкой, не слышал.Щёлк... щёлк... щёлк...Звук раздавался размеренно, механически — будто краб класает клешней, только клешня эта была огромной, и звук получался металлический, режущий, перекрывающий даже шум дождя.Оливер наконец ухватил бутылку за горлышко и, торжествуя, поднял её над головой. И тут услышал скрип за спиной.— А?.. Джек, я же сказал...Он обернулся.Тварь стояла в двух шагах.Когда-то она была человеком — или, по крайней мере, имела человеческие очертания. Но море переделало её по своему образу. Челюсть обвисла, как у мертвеца, и не закрывалась — нижняя болталась на одних сухожилиях. Кости, проглядывавшие сквозь разложившуюся плоть, позеленели от тины и покрылись ракушками. Остатки одежды — истлевший кафтан, обрывки штанов — давно потеряли цвет. Одна рука заканчивалась не кистью, а огромной крабьей клешней — тяжёлой, бугристой, усеянной острыми наростами. Она волочилась по палубе, оставляя глубокие царапины, и ритмично класала, отсчитывая секунды до неизбежного.Но страшнее всего были глаза.Вернее, их отсутствие. Глазницы твари были пусты — и в этой пустоте что-то шевелилось. Бледные, полупрозрачные тела, отвратительно похожие на пиявок, копошились в чёрных провалах, переплетаясь друг с другом. Одна выползла на край глазницы и замерла, будто принюхиваясь к живому теплу. Другая высунулась следом, слепо покачиваясь.Оливер закричал.Крик был таким громким, что распугал всю рыбу на милю вокруг, — но его заглушил удар грома. Молния осветила палубу, и в этой белой вспышке клешня дёрнулась вверх.А потом опустилась.

Новый день — Новый юнга

Солнце палило из всех сил — середина лета, самые жаркие дни. В портовом городе воздух дрожал над булыжной мостовой, и даже чайки лениво сидели на крышах, раскрыв клювы. Мальчишки играли в «каменного быка»: кто дальше швырнёт тяжёлый валун, тот и забирает ставку. Из труб кирпичных домов валил дым, смешиваясь с запахом смолы и рыбы. Гвардейцы в начищенных кирасах лениво сторожили пристань, преграждая путь гражданским: у дальнего пирса разгружали какой-то важный груз. Всё дышало спокойствием и благодатью, будто сам город зажмурился от зноя. Молодой парень — на его лице ещё не пробилась щетина, только лёгкий пушок темнел над верхней губой, — бежал сломя голову. Одет он был просто, но опрятно: полотняная рубаша с закатанными рукавами, короткие штаны до колен, перехваченные сыромятным ремнём, стоптанные башмаки с пряжками. На голове — выцветшая треуголка, которую он то и дело поправлял на бегу. Подмётки хлопали по раскалённым камням, и он почти не замечал, как те жгут ступни. Лицо его сияло так, словно он отыскал алмаз величиной с кулак. В руке он сжимал пожелтевший конверт с сургучной печатью. Он спотыкался, расталкивал прохожих, лавировал между телегами. — Простите! — выкрикнул он, врезавшись плечом в упитанного мужичка в жилете, который как раз перекладывал бочонок с рыбой. Мужичок пошатнулся, бочонок покатился, а парень уже мчался дальше. Добежав до улицы, где стояли богатые каменные дома, Клаус невольно замедлил шаг. Его взгляд сам собой метнулся к высокому особняку за чугунной оградой. На втором этаже были распахнуты окна, а на балконе, в тени полосатого навеса, стояла девушка в светло-голубом платье. Элоиза де Вилье. Даже издали Клаус узнал её по тёмным волосам, собранным на затылке, и синей ленте, вплетённой в причёску. Рядом с девушкой сидела пожилая дама с книгой на коленях — то ли гувернантка, то ли родственница, неизменно следившая, чтобы Элоиза не задерживала взгляд на улице дольше, чем позволяли приличия. Клаус крепче сжал письмо. На мгновение ему захотелось подбежать к ограде, поднять конверт над головой и крикнуть, что его приняли на королевскую службу. Тогда она непременно посмотрела бы на него не как на оборванца из нижнего квартала, которому однажды помогла из жалости, а как на будущего моряка. Элоиза заметила его первой. В её глазах мелькнуло узнавание. Она едва заметно улыбнулась и склонила голову в знак приветствия. Клаус замер, забыв и о жаре, и о письме, и о том, куда так спешил. Он приподнял треуголку, но в этот момент по улице прогреготала карета, на несколько секунд заслонив балкон. Когда она проехала, Элоизы там уже не было. Только белая занавеска шевелилась в открытом окне. Клаус постоял ещё мгновение, затем одёрнул рубашу и снова побежал. Чем дальше от порта, тем теснее становились улочки, и солнце почти не пробивалось сюда — его заслоняли нависающие балконы и грязные холстины, которые беднота развешивала прямо поперёк улиц, чтобы хоть немного укрыться от зноя. В этом районе жизнь была другой. Здесь не пахло морем — здесь пахло прокисшим тестом, углём и человеческим потом. Оборванцы сбивались в стаи и рыскали по переулкам в поисках того, что плохо лежит. Пьяницы спали прямо на ступенях, укрывшись грязными армяками. Чуть дальше две нарумяненные девицы в ярких, но дешёвых платьях лениво обмахивались веерами, переговариваясь о чём-то своём. Клаус свернул к низкой покосившейся лачужке, прижатой к стене старого склада. Деревянные ступени вели вниз, в полуподвал, и они так прогнили, что под ногой хрустнула труха. Он сбегал по ним, толкнул скрипучую дверь и шагнул внутрь. В доме было сумрачно и тесно. Единственное узкое оконце под самым потолком пропускало тонкую полоску света, в которой плясали пылинки. В углу стояла кровать с продавленным матрасом, накрытая лоскутным одеялом, у стены — сундук с облупившейся краской, а с потолка свисала связка сушёных трав, от которых пахло горько и лекарственно. Над печью висела иконка с лампадкой, и огонёк в ней дрожал, бросая на стены робкие тени. Всё здесь было старым и потёртым, но чистым, и каждая вещь стояла на своём

месте. С кухни донёлся звон — будто что-то железное упало на каменный пол и покатилося. — Матушка! — крикнул Клаус, сжимая конверт. — Пришло письмо! Из кухни, шаркая, вышла пожилая женщина. В руках она держала закопчённый котелок и вытирала пальцы о передник. Её бледное, изрезанное морщинами лицо было настороженным. — Ох ты ж, сынок... — Она прижала ладонь к груди. — Чего ж ты так пугаешь-то? Я уж думала, грабят меня. Сердце-то не молодое... — Письмо, говорю, пришло! — Клаус почти подпрыгивал на месте. — Помнишь, я отправлял прошение в Морскую канцелярию Его Величества? Старушка засуетилась. Она торопливо обтёрла руки о передник, поставила котелок на сундук и ухватилась за спинку стула, словно боялась упасть от волнения. Пальцы её, покрытые вздувшимися венами, сжали фартук так, что побелели костяшки. — Ну же... читай скорее, — прошептала она. — Не тяни, сынок. Клаус сломал печать дрожащими пальцами, развернул плотный лист и пробежал глазами по строгим строкам. Голос его дрогнул, но он начал читать вслух: — «Морская канцелярия Его Величества Людовика XIV, город Брест. Господину Клаусу Таннеру. Настоящим уведомляем вас, что по итогам рассмотрения вашего прошения о принятии на королевскую морскую службу вы зачислены на должность юнги на фрегат Морской лев с испытательным сроком в один год. Вам надлежит явиться в порт Сен-Мало не позднее двадцатого числа сего месяца для получения дальнейших распоряжений и принятия присяги. Капитан фрегата — Арман Дюбуа. С наилучшими пожеланиями, секретарь канцелярии Жан-Пьер Морен». Клаус опустил письмо и поднял глаза на мать. Она стояла, не двигаясь, только фартук ходил ходуном от дрожащих рук. А потом её губы растянулись в улыбке — и по щеке, изрезанной морщинами, покатилась слеза. — Юнга... — прошептала она. — Мой мальчик — королевский юнга... Клаус шагнул к ней, и она обняла его — крепко, как не обнимала уже давно. От неё пахло мукой, травами и тем особенным, родным теплом, которое не спутаешь ни с чем. — Ты же рада, матушка? — тихо спросил он, уткнувшись лицом в её плечо. — Рада, сынок... — Она погладила его по спине. — И боюсь. И горжусь. Всё разом. Клаус бросился собирать вещи — хотя собирать-то было почти нечего. Он вытащил из-под кровати старый холщовый мешок, который когда-то принадлежал отцу, и принялся лихорадочно кидать в него самое необходимое: вторую рубашку, чистые портянки, запасной ремень, оловянную кружку. Задумавшись, положил отцовский нож в потёртых кожаных ножнах — мать берегла его, но Клаус знал, что она отдаст, не раздумывая. Потом поколебался и сунул на дно мешка завернутое в тряпицу Евангелие, которое когда-то подарил ему деревенский священник. Между страницами лежал узкий кусочек выцветшей голубой ленты. Клаус осторожно вынул его и провёл большим пальцем по мягкой ткани. Два года назад у особняка де Вилье сломалось колесо кареты. Клаус тогда помог кучеру поднять ось и рассёк ладонь о торчащий гвоздь. Элоиза сама перевязала ему руку лентой, выдернутой из своей шляпки. Для неё это наверняка было случайным проявлением доброты, о котором она забыла к вечеру. Для него — единственной вещью, которую он не решался ни выбросить, ни показать кому-либо. Клаус услышал шаги матери и быстро спрятал ленту во внутренний карман рубашки. Всё остальное его имущество поместилось бы в одном кармане, но эту невесомую полоску ткани он почему-то боялся потерять сильнее всего. Солнце за это время уже ушло за горизонт, и в комнату через высокое оконце заглядывала полная луна, разливая по полу бледный молочный свет. Мать Клауса всё ещё стояла у печи, помешивая что-то в большом чугушке. Оттуда поднимался пар и плыл густой, сытный запах — каша с салом и луком, приправленная травами, которые она сушила сама. — Ма, — вздохнул Клаус, обернувшись к ней. — Ты весь день кашеваришь. Тебе надо отдохнуть. Я всё равно не смогу это всё взять на борт — там места мало, да и засмеют ещё... — Ой, думаешь, я только для тебя? — ответила она, не оборачиваясь. Голос её звучал бодро, хотя плечи устало опустились. — Поделишься там с кем-нибудь. Дорога долгая, люди добрые попутят. Горячая каша в пути — не чета сухому хлебу. Клаус хотел возразить — сказать, что на королевском фрегате юнг кормят и что кашу в мешке не унесёшь, — но посмотрел на её спину, на седые пряди, выбившиеся из-под платка, и промолчал. Вместо

этого он подошёл, осторожно забрал у неё поварёшку и взял под локоть. — Иди отдохни, ма. Я сам дособеру. Она хотела запротестовать, но усталость взяла своё. Она позволила довести себя до кровати, тяжело опустилась на продавленный матрас — кровать прогнулась и жалобно скрипнула — и почти сразу провалилась в сон, даже не успев снять передник. Клаус присел на жёсткий деревянный стул у окна и уставился в квадрат неба, где висела луна. На душе было странно — и радостно, и пусто, словно он уже наполовину покинул этот дом. Он смотрел, как медленно плывут редкие облака. Мысли то и дело возвращались к особняку де Вилье. Если он прослужит год, а потом станет матросом или даже офицером, возможно, однажды ему не придётся опускать глаза перед чугунной оградой. Возможно, Элоиза увидит в нём не мальчишку из трущоб, а человека, достойного хотя бы разговора. Клаус тут же рассердился на себя за эти глупые мечты. Дочь знатного семейства и сын бедной травницы жили в одном городе, но между ними лежало расстояние куда большее, чем весь океан. Он не заметил, как веки сомкнулись, а голова откинулась к стене. Ночь была тихой. Только сверчок за печкой выводил свою нескончаемую песню, да где-то на улице брехала собака. А утром солнце ударило Клаусу прямо в лицо — яркое, беспощадное, просочившееся в ту самую щель над оконцем. Он вздрогнул, дернулся и с грохотом свалился со стула, шмякнувшись затылком о половицы. — Ох, чтоб тебя! — выругался он спросонья, потирая ушибленное место. Мать вскрикнула и приподнялась на кровати, хватаясь за перину. — Сынок?! Что случилось? Грабят?! — Нет, мам, — простонал Клаус, сидя на полу и щурясь от света. — Это я... стул перевернулся. Она выдохнула, потом слабо рассмеялась — тем сухим, дребезжащим смехом, который появился у неё после того, как ушёл отец. — Ох, горемыка ты мой... На море-то небось не упадёшь, там качает. Будешь с гамака лететь, а не со стула. Клаус улыбнулся в ответ, поднимаясь с пола. А в груди уже закипало то самое чувство — предвкушение, смешанное со страхом. Сегодня он уходит. Клаус схватил мешок, перекинул его через плечо и обернулся к матери. Та стояла у порога, вытирая руки о передник, и в глазах её была такая смесь гордости и боли, что у него перехватило дыхание. Он шагнул к ней, пригнулся — она была ниже его на голову — и поцеловал в щёку, сухую и шершавую от печного жара. — Прощай, матушка, — сказал он тихо. — Прощай, сынок... — Голос её дрогнул. Она вдруг схватила его за руку — пальцы, шершавые от работы, сжались с неожиданной силой. И вложила в его ладонь что-то маленькое и тёплое. Клаус разжал пальцы и увидел медный крестик на тонком кожаном шнурке — потёртый, почти чёрный от времени, но сглаженный множеством прикосновений. На обратной стороне была выцарапана буква «Т». — Это твоего отца, — прошептала мать. — Он носил его, когда уходил в море. И вернулся. Теперь твой черёд. Не снимай, слышишь? Никогда. Клаус молча надел крестик на шею и спрятал под рубаху. Металл приятно охлаждал кожу. — Спасибо, мама, — сказал он, и голос вдруг стал хриплым. — Я вернусь. Обещаю. Она кивнула, сжимая губы, чтобы не заплакать. Клаус развернулся и шагнул к двери. На пороге он задержался на мгновение, вдохнул запах дома — трав, старого дерева и маминой стряпни — и перешагнул через порог. Солнце уже поднялось выше крыш, и воздух был наполнен утренней свежестью. Клаус зашагал по улочке, петляющей между домов, как вдруг из переулка выскочила ватага мальчишек. Их было человек пять, все чумазые, в рваных штанах, — те самые оборванцы, что сбивались в стаи и рыскали по кварталу. Самый старший из них, долговязый парень с выбившимся из-под шапки чубом, выступил вперёд и преградил дорогу. Остальные остановились за его спиной, хмуро глядя на Клауса. — Эй, Береговой! — крикнул старший и сплюнул в пыль. — Стой на месте! Клаус остановился. На губах мелькнула ухмылка — он знал эту кличку: они сами дали ему её этим летом за то, что он всегда сидел на причале и смотрел в море. Он узнал парня — это был Бенджамин, или просто Бен, самый задиристый из всей ватаги. Местные прозвали его Копчёным за то, что он вечно шатался около рыбацких костров. — О, сеньор Копчёный собственной персоной! — усмехнулся Клаус, поворачиваясь к ним лицом и поправляя мешок на плече. — Чего это ты меня перехватываешь в такую рань? Неужели на рыбалку без меня решили податься? — Не

прикидывайся дураком! — Бен топнул ногой. — Мы всё знаем! Ты нашёл ту бумажку и теперь идёшь наниматься на королевский корабль! Клаус перевёл взгляд с одного мальчишки на другого. Они смотрели на него с завистью, а младшие — с каким-то священным ужасом, будто он уже перестал быть одним из них. — Ну, допустим, — он пожал плечами. — А вам-то что? — Это нечестно! — выкрикнул Бен, надувая губы так, что казалось, сейчас лопнет. — Ты выйдешь в море раньше нас! Мы тоже хотим! Это несправедливо! Почему тебе, а не мне? — Эй, полегче. — Клаус шагнул ближе и положил руку на плечо Бену. Тот дёрнулся, но не отстранился. — Не вешай нос. Вам ещё только... сколько тебе? Тринадцать? Через пару лет и вы станете юнгами. А то и матросами, если не будете лениться. — А вот и нет! — Бен выпрямился и расправил плечи, стараясь казаться выше. — Я не хочу быть каким-то там королевским юнгой! Я хочу стать капитаном, да не простым, а пиратского судна! У меня будет корабль с чёрными парусами, и мы будем грабить испанские галеоны! А если уж мы встретимся, так я дам тебе бой, понял? — Бой, говоришь? — Клаус прищурился и оглядел Бена с головы до ног. — А ты, гляжу, уже и шпагу себе добыл? Бен замялся. Потом гордо вытащил из-за пояса обломок старой весловой лопасти с ободраным краем — такими они играли в войну, когда становилось скучно. — Этого пока хватит, — фыркнул он. Клаус не удержался — рассмеялся, хлопнул Бена по спине, а потом взьерошил его чуб, как делал это сотню раз раньше. — Буду ждать, Копчёный. Только не нарежь меня этой штукой раньше времени. Договорились? Бен сначала нахмурился, потом обиженно засопел, но в конце концов не удержался и улыбнулся в ответ — неуклюже, сквозь обиду. Клаус обвёл ватагу взглядом, кивнул на прощание и зашагал дальше — сначала спокойно, а потом всё быстрее, переходя на бег. Пыль взметалась под его стоптанными башмаками. У богатого квартала он снова замедлил шаг. Особняк де Вилье находился всего в двух улицах от дороги к порту. Клаус мог бы свернуть, постоять у ограды и хотя бы попытаться попрощаться с Элоизой. Он почти сделал первый шаг, но остановился. Что он скажет? Что дочь знатного дома должна ждать возвращения бедного юнги? Что одна лента, которой она перевязала ему руку, стала для него дороже всех вещей? Элоиза могла улыбнуться из вежливости, а могла и вовсе не выйти. Любой ответ оказался бы хуже молчания. Клаус коснулся внутреннего кармана, где хранилась голубая лента, и продолжил путь к морю. Узкие улочки остались позади. Он выбрался на широкую дорогу, ведущую к порту, и город переменялся — дома стали выше и наряднее, со ставнями, выкрашенными в яркие цвета, и цветами на подоконниках. Над головой кружили чайки, в воздухе уже чувствовался солёный привкус моря. Порт Сен-Мало открылся перед ним внезапно. Он обогнул последний поворот — и вот оно: синее, бескрайнее, переливающееся на солнце. В гавани покачивались десятки судов: рыбацкие шхуны с потрёпанными парусами, торговые бриги с высокими бортами, а среди них — огромный величественный военный фрегат, возвышавшийся над остальными, как замок над деревней. Его корпус был тёмно-синим, почти чёрным, на носу блестела позолоченная фигура морского льва с раскрытой пастью. Паруса были туго скручены, мачты уходили в самое небо, и на самой высокой из них развевался бело-золотой флаг французского королевского флота. На причале кипела жизнь. Грузчики таскали бочки и ящики, матросы перекликались, где-то звенела цепь и скрипел блок. Клаус остановился на секунду, переводя дыхание, и почувствовал, как сердце колотится где-то у горла. — Эй, парень! — окликнул его кто-то хриплым голосом. Клаус обернулся и увидел моряка в синей куртке с нашивками, стоящего у сходней того самого фрегата. — Ты Клаус Таннер, что ли? — Я, — ответил Клаус, выпрямляясь. — Капитан ждёт. — Матрос махнул рукой в сторону трапа. — Проходи. Клаус шагнул вперёд и вдруг почувствовал под ногами непривычное покачивание — даже на причале дерево ходило от морской зыби. Он на миг замер, вцепляясь в мешок. Под рубахой холодил кожу отцовский крест, а во внутреннем кармане лежала голубая лента. Что-то горячее разлилось в груди — то самое чувство, с которым он просыпался все эти годы: предвкушение.

Поохотимся на акул?

Палуба заскрипела под ногами Клауса, как старая половица в доме его матери — только здесь скрип этот был глубже, протяжнее, будто само дерево дышало и стонало от вековой тяжести. Он ступал осторожно, стараясь не споткнуться о канаты, валявшиеся тут и там, и вертел головой во все стороны, пытаясь запомнить каждую мелочь. — Ну, малец, слушай сюда, — раздался за спиной хриловатый голос. Клаус обернулся и увидел высокого, сухопарого мужчину в синем мундире с серебряными нашивками на рукавах. Тот говорил отрывисто, словно рубил слова, но без злобы — скорее по привычке. — Запоминай раз и навсегда: наш капитан на судне — царь и бог. Я же — капитан-лейтенант, его первый помощник. Будешь видеться ты чаще со мной, чем с ним, так что лучше запоминай, что я говорю. Зовут меня Франсуа Марашель. Он указал пальцем вперёд, туда, где на скамье сидели двое матросов — точь-в-точь одинаковых, с одинаковыми носами, одинаковыми скулами и одинаковым хмурым выражением лиц, будто природа размножила один шаблон и забыла добавить различий. — Это наши штурман и констапель, близнецы... — Франсуа почесал затылок, припоминая. — Дай бог их имена не перепутать... Ага, Уильям Пеннингтон и Томас Пеннингтон. Похожи, как две капли воды, и разве что жена их различить может. Да и то не факт. Он перевёл взгляд на здорового упитанного мужчину, который что-то оживлённо обсуждал с боцманом у входа в камбуз. Мужчина был круглолицый, румяный, с руками, больше похожими на окорока, чем на человеческие конечности. — Это наш кок, Ян Брук, — сказал Марашель, чуть улыбнувшись. — Поверь, с ним лучше не ссориться. Если он тебя заприметит — считай, что выиграл у госпожи Удачи. Ужин у тебя будет как у короля. А рядом с ним — первый боцман Джон Кроу. Они как раз обсуждают, чтобы юнги перенесли пару припасов на камбуз. Скоро обед. Он сухо хрустнул пальцами и оглядел Клауса с ног до головы. — С остальными познакомишься позже. Всех не перечислить, да и не зачем пока. Так что сейчас идёшь к капитану, заполняешь бумаги — и вперёд, работать. Вопросы есть? — Есть! — выпалил Клаус и тут же почувствовал, как голова пошла кругом — то ли от морской болезни, то ли от того потока имён, званий и лиц, который обрушился на него за последние пять минут. — То есть... нет, капитан-лейтенант. Всё ясно. — Вот и славно, — Марашель кивнул в сторону капитанской каюты. — Иди. Не заставляй ждать. Клаус зашагал вперёд, стараясь держаться прямо и не шататься, хотя палуба под ним ходила ходуном. Он чувствовал на себе взгляды — десятки глаз, провожавших его от борта до борта. Матросы косились на него, кто с любопытством, кто с ленивым безразличием, кто с лёгкой усмешкой. Обычное дело для новичка, знал он. Но от этого легче не становилось — спина всё равно покрывалась мурашками. В капитанской каюте пахло дорогими сигарами — густым, терпким дымом, смешанным с запахом старого дерева и чернил. Сам капитан сидел за массивным столом, заваленным картами и бумагами. Он был стар — седина густо тронула виски и бороду, а лицо изрезали глубокие морщины, как карта старых морских путей. Но в серых глазах его горел такой острый, колющий свет, что Клаус сразу понял: этот человек мог дать фору любому молодняку. — Клаус Таннер? — спросил капитан, даже не поднимая головы. Он что-то писал в толстом журнале, и перо скрипело по бумаге. — Подпиши вот это. Он пнул пальцем какую-то бумажку, и та, скользя по гладкому дереву, пролетела через весь стол и остановилась прямо на краю, будто сама знала, куда ей нужно лечь. — Это контракт, — сказал капитан, наконец поднимая глаза. Голос у него был низкий, с хрипотцой — видно, много лет прокричал команды в шторм. — Твоё зачисление на королевскую службу. Жалованье, обязанности, наказания за провинности — всё по закону. Читать не обязательно, но подписать — обязательно. Клаус взял перо, макнул его в чернильницу и пробежал глазами по листку. Строки прыгали перед глазами, но он уловил главное: срок службы — год, жалованье — пятнадцать ливров в месяц, кормление и обмундирование за счёт флота. Он расписался размашисто, стараясь, чтобы подпись выгля-

дела взрослой, и отодвинул бумагу обратно. Капитан взял лист, мельком глянул на подпись и усмехнулся — уголками губ, без улыбки. — Что ж, Таннер. Повезло тебе. Первый день — и уже пойдёшь на охоту на акул. Клаус замер. Перо выпало у него из пальцев и стукнуло о стол. — Акул? — медленно переспросил он. — Зачем? Зачем охотиться на акул? Капитан откинулся на спинку стула и вдруг расхохотался — гулко, с присвистом, так, что затряслась борода. — Мы — флот «Морских лев», парень, — сказал он, отсмеявшись. — В наши обязанности входит ловить акул. А акулами мы называем пиратов! Клаус побледнел. Он схватился за край стола, чувствуя, как ноги становятся ватными. — Погодите... пиратов?! Я же первый день! Я совсем не умею... я не хочу умирать так рано! Капитан нахмурился. Он достал из ящика стола длинную сигару, не спеша отрезал от неё кончик серебряным ножичком и зажёл её от свечи, не сводя глаз с Клауса. — Да ты не бойся, — сказал он уже спокойнее. — Никто из нас не хочет. Ты, наверное, книжек всяких начитался, где пираты на больших кораблях ходят, с чёрными флагами и золотыми серьгами? Так запомни: в реальности они чаще используют шхуны и шлюпки. Быстроходные, малозаметные. Не каждый день на таких и нападают. Да, бывают исключения — огромные галеоны с сотнями пушек, — но охотятся на них уже другие, специальные корабли. Не мы. Он выпустил клуб дыма и посмотрел на Клауса сквозь сигаретную завесу. — Мы тратим только безоружных разведчиков, — продолжил капитан. — Они проплывают тут иногда вдоль берега. Пытаются выявить слабые места нашего форта, посчитать пушки, заметить, когда смена караула. А потом продают эту информацию на Тортуге какому-нибудь богатому капитану с большими амбициями. Так вот, наши разведчики заметили троих таких «акул». Они отплыли этим утром. Неизвестно, нашли они что-то или нет, но им и шанса давать нельзя. Клаус сглотнул. Горло пересохло. — И что вы сделаете, когда догоните их? — спросил он тихо. — Расстреляем из пушечного залпа, — ответил капитан ровно, даже буднично. — Чтобы их кишки рыбы пожрать могли. Клаус почувствовал, как в желудке что-то перевернулось. — Это как-то слишком жестоко, — выдавил он. Капитан резко наклонился вперёд, и глаза его стали холодными, как лёд на северных широтах. — Жестоко? — переспросил он, и голос его потерял всякую насмешку. — А ты думаешь, они будут милостивы, когда приплывут целой армадой, чтобы расстрелять нас из всех орудий? Когда войдут в наш форт и вырежут каждого, кто дышит, включая тех, кто молится на коленях? Он откинулся на спинку стула и затянулся сигарой. Клаус молчал, не в силах выдать ни слова. — Всё, ступай, — махнул капитан рукой. — Боцман Кроу покажет, где стоять и чего не касаться. Клаус развернулся и вышел, чувствуя, как колотится сердце где-то в горле. За спиной щёлкнула дверь, и он прислонился к стене коридора, переводя дыхание. Первый день, а он уже плывёт убивать людей. Всего пара минут — и «Морской лев» расправил свои белоснежные паруса, словно гигантская птица, пробуждающаяся от сна. Корабль вздрогнул, накренился, и вот уже причал поплыл назад, а берег начал медленно таять в утренней дымке. Клаус вцепился в поручни, чувствуя, как палуба уходит из-под ног, а ветер бьёт в лицо солёной свежестью. — Ветер благоприятный! — крикнул Франсуа Марашель, стоя у штурвала и глядя в подзорную трубу. — Мы быстро их догоним! Клаус прищурился, пытаясь разглядеть вдалеке хоть что-то, но видел только бескрайнюю синеву, слепящую глаза. Никаких шлюпок, никаких пиратов — только вода и небо, слившиеся в одну дрожащую линию. Франсуа заметил его беспомощный взгляд, хмыкнул и сунул ему в руки трубу. — Держи, глазастый. Привыкай смотреть по-морскому. Клаус поднёс трубу к глазу — и мир перевернулся. Даль резко приблизилась, и он увидел их: маленькая шлюпка с косым парусом, на ней несколько фигур суетились у канатов. Они явно торопились — перебирали снасти, дёргали верёвки, и даже через трубу было видно, как один из них размахивает руками, отдавая команды. — Кажется, они поворачивают... влево... — сказал Клаус, не отрываясь от трубы. Франсуа тут же выхватил её обратно и приник к окуляру. — Хех, — усмехнулся он, переводя взгляд чуть левее. — А ты и правда глазастый, парень. Я бы ещё минуту не заметил. Он опустил трубу и нахмурился, всматриваясь в береговую линию. — Чёрт, они плывут к Пещере Мёртвых Кораблей, — про-

говорил он с тревогой в голосе. — Хотят там укрыться. Если мы не поспешим, то там их уже не достать. Пещера мелкая — наш фрегат туда не войдёт, а на шлюпках за ними не угнаться. Надо успеть подойти на пушечный залп, пока они не нырнули внутрь. Он повернулся к Клаусу и указал на кормовые пушки, выглядывающие из портов. — Иди-ка принеси ядра к пушкам, малец. И поживее — времени в обрез! Клаус кивнул и бросился к люку, где в тёмном трюме были сложены пирамидки чугунных ядер. Они были тяжёлыми — каждое величиной с голову взрослого мужчины, и пахли металлом и порохом. Он схватил первое попавшееся, прижал к груди, пытаясь не уронить, и потащил наверх. Руки сразу же налились тяжестью, а соль и пот зашекотали глаза. Но он упрямо шагал, переставляя ноги по качающейся палубе. — Не тащи, катать! — крикнул кто-то из матросов, но Клаус не расслышал. Он просто изо всех сил сжимал ядро, пока не свалил его у ног ближайшей пушки. Матросы уже суеились вокруг орудий: один крутил рычаги, наводя ствол, другой сыпал порох в дуло, третий забивал пыж. Кто-то рядом орал команды, где-то звякала цепь, и всё это смешивалось со свистом ветра и плеском волн о борт. — Ещё! — крикнул боцман Кроу, мелькнув перед глазами Клауса. — Ядра! Живо! Клаус снова нырнул в трюм. Второе ядро далось легче — он уже понял, как лучше его хватать, как держать, чтобы не выронить. Третье, четвёртое — он уже не считал, руки горели, спина взмокла, но он бежал вверх и вниз, как заведённый. А тем временем «Морской лев» летел вперёд, разрезая волны. Ветер надувал паруса, и дерево скрипело, будто живое. Шлюпка впереди была уже видна невооружённым глазом — маленькая, беспомощная на фоне синего моря. Она ускорялась, но фрегат был быстрее. — Они уходят в пещеру! — крикнул кто-то с марса. Клаус выскочил на палубу в последний раз и увидел: прямо по курсу из скалистого берега зиял чёрный провал — вход в Пещеру Мёртвых Кораблей. Внутри было темно, как в бездне, и вода там казалась чёрной, маслянистой. Шлюпка почти достигла входа — нос её уже вошёл в тень скалы. — Огонь! — рявкнул капитан Дюбуа, неожиданно возникший рядом с Клаусом. — Залп! Пушки грохнули одна за другой, и корабль содрогнулся. Клауса откинуло назад, и он упал на спину, оглушённый громом. В ушах звенело, а перед глазами плыли чёрные пятна. Он попытался встать и увидел: правее, в стороне от входа в пещеру, вода взметнулась белыми фонтанами, а шлюпку разорвало в щепки — обломки взлетели в воздух, и на мгновение ему показалось, что он видит чью-то фигуру, выброшенную волной, но тут же вода сомкнулась над ней. Вход в пещеру зиял прямо перед фрегатом — чёрный, маслянистый, и изнутри тянуло холодом и сыростью, будто сама скала выдохнула. Клаус замер, глядя, как обломки медленно кружатся на волнах. Больше ничто не двигалось. Но Клаус в чём-то засомневался. Он нахмурился, глядя на воду, которая странно меняла цвет — от синей к зеленовато-мутной, почти болотной. — Сэр... то есть капитан-лейтенант! — крикнул он, перекрывая шум волн. — Мне кажется, здесь что-то не так! Франсуа обернулся и посмотрел на него вопросительно. — Что не так? Клаус прищурился, всматриваясь в воду у самого борта. А потом его глаза округлились от ужаса. — Пещера! — выдохнул он. — Срочно сбросить якорь, иначе мы сядем на мель! Дно поднимается! Франсуа сам перегнулся через борт, посмотрел вниз и выругался — таким долгим, витиеватым ругательством, что Клаус даже не понял, где там начало, а где конец. Он слышал в жизни всякое, но чтобы так красиво и сочно — впервые. Он даже на мгновение забыл об опасности, пытаясь запомнить хоть пару слов. — Бегом, мать вашу! — заорал Франсуа, срывая голос. — Якорь за борт! Спустить паруса! Бегом, я сказал! У нас каждая секунда на счету! Матросы заматались по палубе. Двое подбежали к лебёдке, и тяжёлый якорь с грохотом рухнул в воду, взметнув фонтан брызг. Другие принялись дёргать снасти, пытаясь убрать паруса, чтобы замедлить ход. Но ветер, который всего минуту назад был их попутчиком, будто специально мешал — паруса хлопали, надувались и не желали опускаться даже под руками опытных моряков. — Вот же чёрт! — прорычал Франсуа, сжимая кулаки. — Они нас в ловушку заманили! Пожертвовали своими жизнями ради такого! Будь это в моих силах, я бы ещё раз разорвал их в клочья за такое! Корабль медленно, но неумолимо двигался вперёд. Тени скал накры-

вали палубу, и Клаус почувствовал, как воздух стал холоднее и сырее. «Морской лев» входил в пещеру.— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — Франсуа несколько раз ударил кулаком по борту, оставляя на дереве вмятину. И в этот момент якорь, который всё это время волочился по дну, поднимая облака песка и ила, наконец зацепился за подводный выступ. Корабль резко дёрнуло так, что все без исключения попадали на палубу. Клаус больно ударился плечом о мачту, а рядом кто-то покатился по доскам, чертыхаясь. Из каюты выбежал капитан Дюбуа — растрёпанный, без сюртука, с сигарой в зубах, которая уже погасла.— Что у вас, чёрт побери, происходит?! — заорал он, обводя палубу яростным взглядом. — Франсуа! Почему это произошло?! Я доложу, чтобы тебя разжаловали до мичмана за такую навигацию! А где Томас Пеннингтон?! Почему штурман не следил за курсом?! Он ругался ещё несколько минут, перекрывая голоса матросов. Никого не слушая, он развернулся и захлопнул за собой дверь каюты так, что с потолка посыпалась труха. Франсуа выпрямился, потирая ушибленный локоть. На лице его боролись злость и растерянность.— Ладно, парни, — сказал он уже тише. — Капитан слегка на взводе. Не будем его тревожить. Сейчас спустим пару шлюпок, отплывём к порту и приведём «Спасителя» — он нас вытащит. А потом... Он замолчал, не договорив. Повернулся к левому борту, где обычно висели шлюпки, и замер. Глаза его расширились. Шлюпок не было. Их сорвало тем резким рывком, когда якорь зацепился за скалы. Где-то вдалеке, в пещерной темноте, слышался плеск воды — и больше ничего.— Вот теперь мы действительно в ловушке, — прошептал кто-то из матросов. Приходили минуты, затем часы. Тишина в пещере стояла гнетущая — только вода плескалась о борта, да где-то в глубине, в непроглядной черноте, слышалось мерное капанье. Клаус сидел на палубе, привалившись спиной к мачте, и смотрел в темноту. Внутри всё сжалось от тревоги.— А может, вплавь попробовать? — спросил он, нарушая молчание. Кто-то из матросов, сидевших неподалёку, фыркнул и сплюнул за борт.— До берега около километра, парень. Да и тебя акулы быстрее сожрут, чем ты из пещеры выплыть успеешь. Они тут, в этих водах, небось только и ждут, когда кто-то глупый решит искупаться.— А вдруг они не голодные? — попробовал возразить Клаус, но сам не поверил своим словам.— Ага, не голодные, — усмехнулся матрос, качая головой.— А якорь? — спросил Клаус. — Мы же на якоре. Может, попробовать его поднять?— Уже пробовали, — буркнул другой матрос из темноты. — Засел крепко, как влитой. Если дёрнем сильно — корабль развалится. Тут и так днище прохудилось о камни, пока мы вползали. Боцман говорит, вода уже в трюме есть. Клаус замолчал. Тьма в пещере сгущалась с каждой секундой, будто живой хищник, который медленно, но верно сжимал челюсти вокруг корабля. Воздух стал тяжёлым, сырым и холодным, а откуда-то из глубины тянуло запахом гнили и старого дерева. Где-то вдалеке слышался странный звук — будто кто-то скрёбся о камни, но стоило прислушаться, как он исчезал. Клаус сам не зная по какой причине, поднялся на шканцы и медленно пошёл мимо каюты капитана. Ноги сами несли его вперёд, а сердце билось всё чаще. И вдруг он услышал тихий звук. Кап... кап... кап... Словно вода капала с капельников о каменный пол. Ритмично, размеренно, без остановки. Клаус остановился и прислушался. Звук продолжался — монотонный, тягучий, как шаги смерти. Он шёл из-за двери капитанской каюты.— Капитан... — тихо позвал Клаус, приложив ухо к двери. — Разрешите войти? В ответ — тишина. Только это проклятое капанье.— Капитан? — повторил он громче. Снова никакого ответа. Клаус медлил. Он знал, что нельзя входить без разрешения — за это могли и выпороть, и выгнать с корабля. Но что-то внутри подсказывало: там что-то не так. Он слотнул, сжал ручку и медленно провернул её. Дверь открылась с протяжным скрипом, и Клаус шагнул внутрь. В каюте было темно — хоть глаз выколи. Тишина стояла такая, что собственное дыхание казалось громким. Клаус всматривался в темноту и наконец заметил слабый огонёк — масляная лампа тихонько горела в углу, стоя на деревянных ящиках. Света от неё едва хватало, чтобы осветить пол, а стол капитана оставался в густой тени. Клаус взял лампу, поднёс ближе к столу — и тут же его рука дёрнулась от ужаса. Лампа вылетела из пальцев, описала дугу в воздухе и разбилась о столешницу. Масло разлилось мгновенно, огонь

вспыхнул с жадным шипением, жадно лизнул бумаги, и через секунду стол уже пылал, заливая каюту мерцающим багровым светом. И в этом свете Клаус увидел. Тело капитана сидело в кресле — голова была запрокинута назад, рот приоткрыт, глаза выпучены и смотрят в потолок, но в них уже не было жизни. Горло — аккуратный, ровный разрез, от уха до уха, словно кто-то провёл по нему бритвой с хирургической точностью. Из раны всё ещё струилась тёмная, густая кровь — медленно, тягуче, и падала на пол. Кап... кап... кап... Теперь Клаус знал, откуда шёл звук. Каждое падение отдавалось в ушах как удар молота. А потом пламя перекинулось на тело капитана. Огонь лизнул рукав его мундира, и ткань занялась с шипением. Жирная плоть стала плавиться, и по каюте пополз отвратительный запах — сладковатый, приторный, от которого у Клауса резко скрутило желудок. Его вырвало. Он упал на спину, хватая ртом воздух, но в лёгкие вместо него лезла только эта вонь — жжёного мяса, крови и масла. Он попытался подняться, но ноги не слушались, а руки скользили по полу, и он пополз назад, к двери, судорожно хватая воздух и не в силах отвести взгляда от того, что горело на столе. Кап... кап... кап... — звук продолжался, даже когда тело уже занялось огнём, и казалось, что он идёт из самой глубины пещеры, откуда-то из тьмы, где прячется нечто худшее, чем смерть. Клаус выполз в коридор и захлопнул дверь. Прислонился к стене, дрожа всем телом. Глаза его были мокрыми от слёз, которые он сам не заметил, а в груди билось сердце, готовое выпрыгнуть. Из-за двери доносился треск огня и тот самый мерный звук, который теперь навсегда поселится у него в голове.

Мертвецы не рассказывают сказок

Огонь вырвался из капитанской каюты, жадно лизнул дверной проём и пополз дальше, перекидываясь на деревянные переборки с пугающей скоростью. Клаус, опираясь о мокрые от пота доски, выбежал на палубу, спотыкаясь и хватая ртом воздух, в котором уже чувствовался горький привкус гари. Ноги его подкашивались, а перед глазами всё ещё стояла та картина — запрокинутая голова, перерезанное горло, кровь, падающая на пол. — П-пожар! — выдавил он из себя, падая на колени. Франсуа, заметив, как парня шатает, мгновенно подхватил его под локоть, не давая рухнуть лицом в доски. — Эй, говори, что произошло! — рявкнул он, встряхнув Клауса за плечо так, что у того клацнули зубы. — Почему горит каюта?! Клаус открыл рот, чтобы рассказать про смерть капитана, про лампу, про то, как огонь перекинулся на бумаги, а потом на тело, — но слова застряли в горле. Он посмотрел в глаза Франсуа, такие же колючие, как у капитана, и вдруг понял: если скажет правду, его обвинят. Он вломился без спроса, он разбил лампу, он устроил пожар. Даже если он не убивал капитана, его сочтут виновным хотя бы в неосторожности. А что делают с теми, кто по неосторожности сжигает корабль? Выбрасывают за борт? Сажают в трюм на цепь? Или того хуже — отдают под трибунал, где приговор один? — Я н-не знаю, — прошептал Клаус, откашливаясь от едкого дыма, который уже начал заполнять палубу. — Я просто... услышал шум... а когда открыл дверь, там уже горело... Он и сам не поверил своим словам, но Франсуа не стал допытываться. Время было упущено, и огонь тем временем всё плотнее заключал корабль в свои объятия. Он пожирал дерево с жадным треском, вырывался из окон каюты длинными оранжевыми языками, лизал мачты и тянулся вверх, к парусам, которые только что с таким трудом убрали. От жара воздух дрожал, а искры взлетали к самому своду пещеры и гасли в холодной сырости, не достигая камня. Матросы метались по палубе, как потревоженные муравьи. Одни тащили вёдра с водой, черпая её прямо за борт, другие сбивали пламя мокрыми тряпками и брезентом, третьи пытались отрубить горящие доски топорами, чтобы огонь не перекинулся на такелаж. Кто-то кричал, кто-то молился, кто-то просто стоял и смотрел на разгорающееся пламя с тупым, безнадёжным лицом. — Не дайте ему добраться до порохового трюма! — орал боцман Кроу, размахивая руками. — Если туда попадёт искра, мы все взлетим на воздух! Все до единого! Матросы удвоили усилия. Они выстроили живую цепь от борта до очага пожара, передавая вёдра с водой из рук в руки, но пламя было слишком сильным. Вода шипела, превращаясь в пар, и огонь, казалось, только злился от этого. Он рычал, как живой зверь, и не собирался отступать. С каждой минутой он пожирал всё новые части корабля, подбираясь к грот-мачте, где крепились самые большие паруса. — Отступаем к корме! — закричал кто-то. — Бросайте носовую часть! — Нельзя! — рявкнул Франсуа, перекрывая шум. — Там порох! Если мы оставим трюм без защиты, он взорвётся, и тогда нас разметает по всей пещере! Клаус стоял, прижавшись спиной к фальшборту, и смотрел на этот ад. Глаза слезились от дыма, а в груди тяжело и сбивчиво стучало сердце. Он чувствовал себя виноватым. Если бы он не взял ту лампу, если бы не подошёл к столу, если бы не разбил её... Капитан всё равно был мёртв, но корабль ещё мог остаться целым. А теперь он, Клаус Таннер, стал причиной того, что «Морской лев» медленно сгорал в этой проклятой пещере, а вместе с ним — и все надежды на спасение. Он вспомнил мать, стоявшую в дверях их полуподвальной лачуги. Вспомнил данное ей обещание вернуться. Потом перед глазами на мгновение возник балкон особняка де Вилье и девушка в светло-голубом платье. Элоиза едва заметно склоняла голову, а синяя лента в её волосах шевелилась на ветру. Клаус машинально коснулся внутреннего кармана. Полоска ткани всё ещё была там. Глупо. Вокруг горел корабль, люди готовились погибнуть, а он думал о девушке, с которой едва говорил несколько раз. Однако воспоминание о ней заставило его сжать зубы. Он не хотел, чтобы единственным следом от его жизни осталась выцветшая лента на дне сгоревшего корабля. Клаус закрыл глаза

и сжал кулаки, пытаясь подавить дрожь. И в этот момент сквозь треск огня и крики матросов он услышал странный звук. *Тук... тук... тук...* Клаус открыл глаза и прислушался. Звук доносился откуда-то из темноты пещеры, из глубины, куда не достигал свет. Он был ритмичным, почти музыкальным — будто кто-то бил саблей о дерево. Или о камень. *Тук. Тук. Тук.* Звук становился громче. Быстрее. Он нарастал, перекрывая даже треск пламени, и в нём слышалась пугающая размеренность — как барабанная дробь перед казнью, как отсчёт последних секунд. *Тук-тук-тук-тук!* Теперь его услышали все. Матросы замерли, опустив вёдра, и повернули головы в сторону входа в пещеру. Глаза их расширились, на лицах застыл страх. — Что это? — прошептал кто-то. — Заткнитесь, — шикнул Франсуа. Все затаили дыхание. Только огонь продолжал своё дело, злорадно похрустывая деревом, и под этот треск звук нарастал, заполняя собой всё пространство пещеры. *ТУК-ТУК-ТУК-ТУК-ТУК!* Последний удар — один-единственный *ТУК!* — оказался самым громким. От него по палубе прокатилась волна воздуха, сильнее любого штормового порыва. Она сбила матросов с ног, сорвала головные уборы и швырнула их в темноту. Огонь в каюте взметнулся, заколебался, а потом резко пригас, будто сам сжался от страха. Языки пламени замерли и перестали расплзаться, словно живое существо втянуло голову в плечи. А потом из темноты, с того места, где кончался свет и начиналась абсолютная чернота, на палубу шагнула тень. Она двигалась плавно, с неестественной грацией — как человек, который давно забыл, каково это — дышать. С фигуры стекала странная вязкая жидкость. Она не походила на обычную кровь: чёрная, как смоль, густая, она покрывала одежду маслянистой плёнкой и собиралась лужами у ног. Глаза существа горели тусклым, болезненным светом — в них не было ни злобы, ни ярости, только ледяная пустота и память о чём-то давнем. Зубы были окрашены в тот же чёрный цвет, и, когда незнакомец растянул губы в подобии улыбки, они показались обломками обугленного дерева. Длинные спутанные волосы колыхались, будто он всё ещё находился под водой, а каждое движение сопровождалось едва слышным плеском волн. Кто-то из матросов — видимо, самый смелый или самый глупый — швырнул в него бутылку. Она пролетела сквозь тело призрака, даже не замедлившись, и с глухим стуком ударилась о борт за его спиной. Тварь даже не повернула головы. Но матрос поплатился за свою дерзость. Из щелей между досок за его спиной бесшумно поднялся второй призрак — такой же жуткий, с таким же чёрным телом, сочащимся влагой. Он вынырнул из палубы, будто из воды, и клинок из тёмной, затуманенной стали пронзил матроса насквозь. Тот не успел вскрикнуть. Он просто рухнул на колени, а потом завалился на бок. Из раны хлынула не кровь, а та же чёрная жижа, которая покрывала призраков. На палубе повисла мёртвая тишина. Даже огонь, казалось, перестал трещать, замороженный этим зрелищем. Из всех щелей и стен полезли призраки. Они появлялись отовсюду — из-за бочек, из-под досок, из тёмных углов, куда не доставал свет умирающего пожара. Кто-то из них разложился больше, кто-то меньше; у некоторых не хватало половины туловища, но они всё равно умудрялись стоять и двигаться, паря над палубой, словно законы природы для них больше не существовали. В воздухе стоял запах гнили и сырости, смешанный с гарью, и от этого сочетания у Клауса сводило желудок. Гаспар де Блуа — тот самый, первый, кто шагнул из темноты, — выступил вперёд, опираясь на шпагу, как на трость. Его чёрные маслянистые глаза медленно обвели палубу, и на губах заиграла кривая, страшная улыбка. — Я Гаспар де Блуа... — проговорил он, и голос прозвучал как скрежет камня о камень. — Капитан «Молчаливой Мэри». И вы, живые, вторглись в мои владения. Он резко ударил наконечником шпаги о палубу, и в ту же секунду ещё один матрос был пронзён другим призраком. Тот не успел вскрикнуть — только захрипел и рухнул лицом вниз, а из раны потекла та же чёрная вязкая жидкость, которая покрывала самих мертвецов. — Вы попали в неприятности, — усмехнулся Гаспар. Из его рта полилась чёрная жижа, стекая по подбородку и капая на палубу. Моряки, либо отказавшись принимать смерть без боя, либо просто обезумев от страха, с криками ринулись на призраков. Кто с саблей, кто с ножом, кто с чем попало. Но оружие проходило насквозь — клинки не встречали сопротивле-

ния, словно рубили туман. Призраки же с явным удовольствием насаживали людей на шпаги и сабли, и каждый удар сопровождался хриплым смехом и мерным капаньем чёрной крови. Клаус вскочил и, не раздумывая, рванул к люку, ведущему в нижние трюмы. Он не знал, куда бежит, — просто инстинкт кричал: спасайся, прячься, живи. Ноги несли его вниз, в темноту и сырость, подальше от кошмара. Он спотыкался о пороховые бочки и мешки с провизией, падал, вставал и снова бежал, пока не оказался на самом нижнем уровне, где корпус был пробит и вода уже доходила ему до щиколоток. Она была ледяной, холод пробрал его до костей, но он не остановился. Продвигаясь вперёд, Клаус нащупал ногой железную решётку — одну из тех, что служили клетками для пленных, которых иногда перевозили на фрегате. Он нырнул внутрь, вжался в угол и замер, стараясь дышать как можно тише. Сверху, сквозь доски палубы, доносились крики, смех и мерный стук — тук-тук-тук, — будто призраки били в такт неведомому ритму. А потом он увидел, как сквозь щели начала просачиваться чёрная вязкая жидкость. Она капала медленно, тяжело и, падая в воду, расплывалась маслянистыми пятнами. Клаус затаил дыхание, вжался в стену и зажмурился, чувствуя, как холод поднимается от ног всё выше. Он не знал, сколько ещё протянет в ледяной воде. Со временем звуки стихли. Крики, звон клинков, хриплый смех призраков — всё угасло, растворилось в гулкой тишине пещеры, нарушаемой только мерным плеском воды да редкими затухающими тресками огня где-то наверху. Клаус сидел, вжавшись в угол сырой железной клетки. Вода поднялась уже выше пояса, и холод пронизывал до костей, заставляя зубы выбивать мелкую дробь. Он почти не чувствовал ног. Руки онемели. Глаза привыкли к темноте, но видели только мутную воду, плавающие в ней обломки досок и бочонков да собственное отражение — бледное испуганное лицо, искажённое каждым движением воды. Тишина давила. Он боялся, что стоит пошевелиться — и снова послышатся шаги. Или тот самый звук: тук-тук-тук. Но вокруг было тихо. Клаус сунул окоченевшую руку во внутренний карман и сжал мокрую голубую ленту. Ткань уже пропиталась ледяной водой и казалась такой же холодной, как всё вокруг. Он вспомнил, как Элоиза стояла на балконе. Как улыбнулась ему, прежде чем карета заслонила особняк. Тогда между ними была всего одна улица, но Клаус не решился её пересечь. Теперь же между ним и Сен-Мало лежали море, горящий корабль и целая армия мертвецов. Он зло сжал ленту в кулаке. Нет. Он не позволит этой проклятой пещере стать своей могилой. Не раньше, чем снова увидит мать. Не раньше, чем хотя бы однажды скажет Элоизе то, что так и не осмелился произнести у чугунной ограды. Когда Клаус подумал, что всё закончилось и призраки ушли, он осторожно попытался вылезти из клетки. Его пальцы уже сомкнулись на ржавом пруте, как вдруг ледяная рука с нечеловеческой силой схватила за плечо и развернула к себе лицом. — О, ещё один! — раздался шипящий голос прямо перед ним. Клаус увидел несколько призраков, окруживших клетку. Они смотрели на него пустыми маслянистыми глазами. Их тела сочились той же чёрной жидкостью, что и у Гаспара, и в свете умирающего пожара казались вырезанными из самой тьмы. — Последние слова будут? — прохрипел один из них, направляя ржавую шпагу ровно в глаз Клаусу. Лезвие дрожало в нескольких дюймах от зрачка. Клаус в ужасе прикусил язык. Кровь разлилась во рту солёным металлическим привкусом. — Ну раз так... — Призрак замахнулся, готовясь нанести удар. — Стой! Голос Гаспара прозвучал как раскат грома в мёртвой тишине. Шпага замерла в мгновении от глаза Клауса. Призрак зашипел, но послушно отступил. Гаспар прошёл сквозь решётку, с каждым шагом ударяя наконечником шпаги о доски: Тук... тук... тук... Он подошёл вплотную и резко дёрнул Клауса за рубаху, сорвав с его шеи крест. Тот повис на пальцах, покрытых чёрной слизью. Гаспар стал рассматривать его под разными углами, поворачивая в воздухе, с пугающим, почти благоговейным молчанием. — Филипп... — прошептал он наконец себе под нос так тихо, что Клаус едва расслышал. Гаспар снова схватил его и притянул к своему лицу так близко, что парень почувствовал запах гнили и солёной воды. — Отвечай! — прошипел призрак, прижимая остриё шпаги к горлу Клауса. — Ты знаешь, что это?! Знаешь, чей это крест?! Лезвие холодило кожу. Клаус сглотнул, чувствуя, как кровь пульсирует в шее. — Это

крест моего отца... — с трудом ответил он. Язык всё ещё болел от укуса, и слова давались с усилием. Гаспар резко толкнул его. Клаус рухнул в ледяную воду, захлебнулся и закашлялся. — Ты знаешь Филиппа Монтеро?! — рявкнул призрак, нависая над ним. Клаус, задыхаясь и дрожа от холода, закивал. Он понятия не имел, кто такой Филипп Монтеро, но в глазах Гаспара увидел нечто, что могло стать его единственным шансом на спасение. Гаспар схватил его за шиворот и потащил наверх, на главную палубу. Там, в свете догорающих обломков, лежали тела моряков — десятки тел, скорченных и безжизненных, с чёрными ранами. Клаус зажмурился, но Гаспар заставил его смотреть. Он поставил Клауса на перила, так что тот оказался над водой, балансируя на краю бездны. — Найди Филиппа, — приказал Гаспар, и голос прозвучал как приговор. — Я даю тебе три дня. Три дня, мальчишка. И передай ему, что Гаспар ждёт. Если не сделаешь этого... — Он обвёл шпагой мёртвые тела, разбросанные по палубе. — Поверь, их участь покажется тебе блаженным сном по сравнению с тем, что я с тобой сделаю. Он толкнул Клауса в спину. Мир перевернулся. Холодная вода сомкнулась над головой, поглотив свет, звуки и дыхание. Клаус рванулся вверх, пытаясь глотнуть воздуха, но одежда тянула на дно. Пальцы судорожно сжали голубую ленту в кармане. В последний миг перед глазами возникла Элоиза — не в богатом платье и не за высокой оградой, а такая, какой он запомнил её два года назад: склонившаяся над его порезанной ладонью, серьёзная и близкая. Потом поплыли чёрные круги, и Клаус потерял сознание, уходя в тёмную ледяную глубину.

Ах, Тортуга! Прекрасный, дивный мир...

— Как же я люблю Тортугу, — Филипп сделал большой глоток из бутылки и довольно прищурился, перешагивая через храпящего прямо в луже пьяницу. — Этот смрадный дух немытых тел, люди, пропитанные дешёвым ромом, шум, гам... Что в этом мире может быть прекраснее? Он был невысок, но крепок — широкие плечи и жилистые руки выдавали человека, привыкшего рвать канаты и скрещивать шпаги. Длинные тёмные волосы, спутанные морским ветром, были небрежно перехвачены кожаным шнурком. На лице — аккуратные усики и лёгкая щетина, которая скорее добавляла ему обаяния, чем неопрятности. Из-под полей потёртой треуголки с обвисшим пером поблескивали хитрые, вечно смеющиеся глаза. Одет он был в простую полотняную рубаху, расстёгнутую на груди, и заношенные кожаные штаны, заправленные в высокие сапоги. На широком поясе висела шпага, тяжёлый пистолет и пара метательных ножей — оружие блестело от смазки, за ним капитан ухаживал куда лучше, чем за собой. Филипп остановился на мгновение, вдыхая густой воздух улицы. Пахло жареной свининой, прокисшим элем, гнилыми водорослями и порохом. Вдоль домов, томно прислонившись к доскам, стояли женщины в ярких, но изрядно потрёпанных платьях — с вызывающими взглядами и густо накрашенными губами. Они звонко смеялись, провожая взглядами шатающихся матросов, и предлагали то, что в любом порту ценится наравне со свежей пресной водой. Филипп расплылся в широкой улыбке и направился к одной из них, покачивая бёдрами в такт своей же походке. — Эй, красавицы, — протянул он, подходя ближе и картинно приподнимая шляпу. — Не найдётся ли для уставшего капитана... Девушка обернулась. Филипп замер, и самодовольная улыбка медленно сползла с его лица. — Оу... Эсмеральда?! Она стремительно приблизилась, и прежде чем он успел вымолвить хоть слово, звонкая пощёчина обожгла его левую щёку. Эсмеральда развернулась на каблуках и, гордо вскинув подбородок, быстро зашагала прочь, оставив Филиппа стоять с открытым ртом. — Я ж не заслужил... — пробормотал он, потирая горящую щёку и растерянно провожая её взглядом. Тут же к нему подошла другая девушка — с чёрными, как смоль, волосами и насмешливым прищуром. Филипп мгновенно встрепенулся, и на его лицо вернулась обаятельная ухмылка. — О! Изабела! Вторая, не менее хлесткая пощёчина приземлилась на правую щёку. Изабела презрительно фыркнула и, шурша юбками, последовала за подругой. Филипп постоял ещё несколько секунд, ошарашенно хлопая ресницами. Потом медленно потёр вторую щёку, вздохнул и тихо хмыкнул. — Ну... это я, пожалуй, заслужил, — философски признался он, поднимая с земли слетевшую шляпу. Сделал ещё один глоток рома, словно ничего не произошло, и двинулся дальше. Он пьяно вышагивал к причалу, допивая последние капли огненного пойла, когда заметил, что на берег выкинуло тело. Для Тортуги дело обычное — очередной пьянчуга перебрал, свалился с пирса и нахлебался солёной воды. Филипп всё той же нетвёрдой походкой подошёл к бедолаге, присел на корточки и по-хозяйски начал шарить по карманам мокрого камзола в поисках наживы. Нашупал увесистый мешочек с монетами и неплохой нож с костяной рукоятью. Незнакомец слабо пошевелился, сонно оттолкнул его руку и что-то невнятно простонал. Филипп, не обращая на это ни малейшего внимания, сунул добычу себе за пазуху. — У-у, парень, да ты, видно, в стельку, раз завалился спать прямо в прибор... Да и смердит от тебя как от утопленника, — Филипп брезгливо зажал нос двумя пальцами. Поднялся и, покачиваясь, пошёл прочь от берега, насвистывая мотивчик. Через четверть часа он уже влетел в двери таверны «Гнилая селёдка». Внутри стоял густой чад от салных свечей, орали пьяные глотки и стучали деревянные кружки. Филипп подскочил к стойке, за которой скучал трактирщик — старый Джон, с кустистыми седыми бакенбардами и лысиной, блестящей от пота. Пират навалился на липкие доски, тяжело дыша. Лицо его было бледным, а пальцы, сжимавшие край столешницы, мелко дрожали. — Джон! — Филипп рухнул на шаткий табурет. Трактирщик отшатнулся: волна пере-

гара ударила ему в лицо так, что заслезились глаза. Смесь рома, дешёвого табака и чего-то такого, чему Джон предпочёл не искать названия.— Филипп... — протянул он, укоризненно качая головой. — Опять спускаешь всё до последнего песа? Филипп резко и пьяно кивнул, едва не завалившись назад, но чудом удержал равновесие. Его пальцы принялись выстукивать ровную дробь по столешнице.— Как же я хочу набрать здесь команду. Сколотить отряд отчаянных ублюдков, чтобы вершить разбой на потребу моей чёрной душе... — мечтательно пропел он, запрокидывая голову. — Капитан Филипп Монтеро... Звучит, а? Как музыка!— Ты сначала корабль раздобудь, «капитан», — фыркнул Джон, протирая и без того сияющую кружку грязной тряпкой.— А у меня уже есть один на примете... — Филипп заговорщицки прищурился, перегнулся через стойку и понизил голос до хриплого шёпота. — Фрегат Безумца Джека. Стоит здесь, у южного причала. Красавец о тридцати пушках... Джон поперхнулся воздухом. Кружка выскользнула из его рук и с глухим стуком покатилась по доскам.— Филипп! Тебе ром мозги выжег?! Решил угнать корабль самого Джека?!— Я пират, Джон, — Филипп величественно развёл руками, едва не смахнув чужую тарелку с объедками. — Риск у меня в крови.— У Джека в крови — пускать кишки таким дуракам! — прошипел трактирщик, почти касаясь носом лица пирата. — Он тебя на мачте вздёрнет, если узнает!— Значит... он не узнает, — протянул Филипп, оглядываясь через плечо, будто выискивая шпионов. — План гениален, слушай. Я найду какого-нибудь простачка. Совсем зелёного дурня с горящими глазами и морской романтикой в пустой голове. Уговорю его помочь, мы угоним фрегат... а дальше я пушу юнгу в свободное плавание. — Он изящно пошевелил пальцами в воздухе. — Высажу этого благородного идиота на первой же необитаемой скале. А сам останусь при корабле. Каково, а? Джон открыл рот, чтобы высказать всё, что думает об этом «гениальном» плане, но Филипп уже сгрёб со стойки непочатую бутылку рома. Ловко сбил горлышко о край стола, сделал жадный глоток и, пошатываясь, направился к выходу. Ночь на Тортуге не принесла пирату удачи в поисках ночлега. Бутылка опустела, и Филипп, добредя до окраины, где под навесом держали свиней, решил, что лучшей постели ему сегодня не найти. Вокруг уже мирно посапывали в грязи несколько коллег по ремеслу. Филипп рухнул лицом в сено и мгновенно отключился. На следующее утро его разбудили крайне бесцеремонно — кто-то настойчиво тащил его за ногу. Филипп попытался отпихнуть надоедливового будильника, но вдруг услышал возмущённый свинячий визг. Он разлепил глаза. Огромный, возмутительно упитанный хряк с довольным видом стаскивал с его левой ноги кожаный ботинок.— Кыш! Пшёл вон! — замахал руками Филипп, пытаясь придать голосу грозные нотки. — Отдай, на бекон пушу! Но хряк оказался с характером. Он зажал ботинок в зубах, презрительно хрюкнул и резво потрусил по дороге, то и дело оглядываясь на Филиппа, всем своим видом говоря: «А ну, догони!».— Стой, ворюга! — заорал Филипп. Вскочил и, чтобы не испачкать босую ногу в навозе, поскакал за животным на одной ноге, как подбитый фламинго. Хряк вылетел на пляж, весело стуча копытцами. Слева стеной стояли непролазные джунгли, справа искрилось утреннее море. Свинья, словно издеваясь, резко свернула в заросли.— Только не в джунгли! — взвыл Филипп, останавливаясь на кромке зелени. — Не смей! Животное скрылось в кустах. Филипп постоял, тяжело дыша, и принял решение, достойное истинного стратега: он просто снял второй ботинок. Засунул в него руку и вытащил тайник — крошечный мешочек с золотом. Сам ботинок был с обидой брошен в кусты, вслед за наглым свином. Подтянув штаны, Филипп зашагал к воде. Освежающие волны приятно холодили ноги. Вдруг кусты позади зашуршали. Хряк с важным видом выбрался из джунглей, всё так же сжимая в зубах украденную обувь. Он наклонил голову, с любопытством посмотрел на пирата и, смешно семеня копытцами, пошёл прямо за ним в воду. Филипп с хищным криком попытался прыгнуть на вора, но хряк меланхолично сделал шаг в сторону, а пират с оглушительным всплеском рухнул лицом в набегающую волну. — Ладно, твоя взяла, — отплёвываясь от воды и водорослей, проворчал он. Выбравшись на песок, он снял рубаху, выжал её, накинул обратно и устало сел. Хряк устроился рядом, с ком-

фортom зарывшись в песок и довольно похрюкивая. В этот момент Филипп заметил движение: из воды, отплёвываясь и шатаясь, выбирался человек. Пират бесшумно скользнул за ближайший валун. Клаус — промокший, замёрзший и ошарашенный — крутился на месте, пытаясь понять, куда его выбросило. Он вертелся так отчаянно, что даже не заметил, как из-за скалы выросла фигура. Металл холодно блеснул на солнце. Филипп приставил кончик шпаги прямо к кадыку парня. — А мы не встречались? — Филипп с любопытством склонил голову набок, разглядывая юношу. — Я грабил твою семью? Клаус замер. Сердце колотилось в горле, перед глазами всё ещё плясали тени мертвецов из трюма. Но уличные инстинкты сработали быстрее разума: он резко присел, пропуская лезвие над макушкой, и выкинул ногу вперёд, метя пирату под колено. Филипп легко отскочил. — А ты резкий, — хмыкнул он, вставая в красивую, почти танцевальную стойку. — Кто учил манерам? Клаус не сводил глаз с клинка, держа кулаки наготове. — Улица, — процедил он. — Плохой учитель, раз ты бросаешься с голыми руками на вооружённого джентльмена, — Филипп издевательски покрутил кистью, рисуя шпагой восьмёрку. — Я пока не планирую умирать, — Клаус сглотнул, собираясь с силами. Он резко копнул песок ногой, отправляя целое облако прямо в лицо пирату. Филипп выругался, зажмурившись, а Клаус рванул в сторону портовых построек. За ним, возмущённо визжа, бросился Филипп, а замыкал процессию упитанный хряк с ботинком в зубах. Клаус влетел в открытые двери первой попавшейся лавки. Над входом висела деревянная наковальня — кузня «Старого Джо». Внутри было пусто. На верстаках валялись молоты, в глубине остывал горн, а вдоль стены ровными рядами стояли свежевыкованные клинки. Не раздумывая ни секунды, Клаус выхватил из стойки лёгкую шпагу и выскочил на улицу — прямо наперерез догнавшему его Филиппу. Клинки скрестились с резким лязгом. Посыпались искры. — Стойка ни к чёрту, — хмыкнул Филипп, легко отбивая первый неумелый выпад Клауса. — Ты держишь клинок, как лопату! — Зато я знаю, куда её воткнуть! — огрызнулся Клаус, отчаянно наступая. — О, юношеский максимализм, обожаю, — усмехнулся Филипп. Он играючи парировал удары, заставляя парня кружить по пыльной улице. — Я ищу человека! Филиппа Монтеро! — выкрикнул Клаус, делая глубокий выпад. Филипп сделал изящный шаг в сторону, пропуская лезвие в дюйме от своей груди. Лицо его осталось невозмутимым. Филипп внезапно ускорился. Серия быстрых ударов заставила Клауса отступить и споткнуться о бочки у стены. Кончик шпаги пирата замер у самого носа парня. — Серьёзно? И зачем тебе этот мерзавец? — Это не твоё дело! — Клаус крутнулся и резко ударил пирата ногой под колено, как пытался сделать на пляже. На этот раз трюк сработал. Филипп с криком рухнул в пыль. Клаус сделал эффектный кувырок назад, поднимая шпагу. Филипп, решив не отставать в акробатике, попытался вскочить так же красиво, но запутался в собственных ногах и снова плюхнулся на землю, подняв тучу пыли. — Дружок, — примирительно начал Филипп, отряхивая колени. — Я могу помочь тебе найти этого Монтеро. А ты поможешь мне с одним крошечным делом. — Ещё чего! Связываться с пиратами — это против моих правил! Филипп запрыгнул на сложенные у стены бочки, а с них — на невысокую соломенную крышу. Клаус бросился следом. Звон стали переместился наверх. — Ты на Тортуге, сынок! — весело крикнул Филипп, отступая по хрупкой черепице. — Здесь можно отыскать любого. Поможешь мне — получишь своего человека. Всё просто! Клаус сделал резкий взмах, заставив пирата попятиться и провалиться прямо в открытое окно второго этажа. Из комнаты тут же раздался пронзительный женский визг. Дородная дама, застигнутая врасплох, принялась швырять в незваного гостя всё подряд. Мимо головы Филиппа просвистела тарелка, следом — медный подсвечник, а затем тяжёлая чугунная сковорода. Филипп пригнулся, кланялся и танцевал между летящей утварью. Когда дама метнула в него бутылку виски, он ловко поймал её, сбил пробку эфесом шпаги, сделал смачный глоток и спиной вперёд выпрыгнул в другое окно, приземлившись обратно на улицу. Клаус спрыгнул следом. Едва его ноги коснулись земли, Филипп повторил его же грязный трюк — мощно пнул дорожную пыль прямо Клаусу в глаза. Клаус зажмурился, закашлялся от песка, а в следующий миг почувство-

вал, как сильный удар по запястью выбивает оружие из его рук. Проморгавшись, он обнаружил, что смотрит прямо в чёрное дуло пистолета. — Это нечестно! — обиженно выкрикнул Клаус. — Я пират! — Филипп самодовольно взвёл курок. — Итак, у тебя два пути. Либо ты помогаешь мне, и я нахожу тебе твоего Монтеро. Либо... ну, Тортуге всегда не хватало свежихtrupов. Выбирать не приходилось. Пистолет у виска быстро умирал гордость. Спустя полчаса они сидели в густых зарослях на краю бухты. Впереди, мягко покачиваясь на волнах, стоял великолепный тридцатипушечный фрегат. — Мы дождёмся, пока большинство матросов уберётся в таверны, а затем проскользнём на борт, — полушёпотом инструктировал Филипп. — Украдём этот фрегат? — перебил Клаус, круглыми глазами глядя на махину. — Реквизируем, — Филипп поднял палец с крайне важным видом. — Мы реквизируем этот фрегат. Морской термин. Когда стемнело, Филипп приказал парню сидеть тихо, а сам тенью скользнул к трапу. Для человека, который недавно валялся в свинарнике, он двигался пугающе грациозно. Двое часовых у борта не успели даже пискнуть — они просто булькнули за борт с тихими всплесками. Филипп махнул рукой, и Клаус пулей взлетел на палубу. Вместе они скинули сходни и навалились на канаты. Клаус тянул снасти, стирая ладони, пока паруса не поймали ветер. Фрегат медленно, словно нехотя, отделился от причала. Филипп встал за штурвал, полной грудью вдыхая свободу. У его ног, довольно похрюкивая, устроился неразлучный свин, который каким-то чудом тоже пробрался на борт. — Ну и куда мы плывём? — спросил Клаус, тяжело опираясь на мачту. — Вперёд, — Филипп неопределённо пожал плечами, глядя на звёзды. — Ты обещал помочь мне, если я помогу тебе! Филипп перестал улыбаться. В свете фонарей его лицо вдруг стало жёстким и серьёзным. — Я знал твоего отца. Клаус пошатнулся, словно палуба ушла из-под ног. — Что?.. — Твой отец был пиратом. — Нет! — Клаус выпрямился, сжав кулаки. — Мой отец был моряком! Он служил на королевском флоте, он... — Он был славным пиратом, — спокойно, но веско перебил Филипп. — Дерзким разбойником. Клаус потерял контроль. Схватив шпагу Филиппа из ножен, он бросился к штурвалу и приставил острие к груди пирата. — Заткнись! — Опустит железку, — Филипп даже не моргнул, продолжая уверенно держать колесо штурвала. — Не то поранишься. Клаус стоял, тяжело дыша, рука со шпагой дрожала от ярости. — Ты можешь не верить. Или верить, — Филипп смотрел прямо на него. — Но дух пиратства у тебя в крови, парень. Этого не отнять. Он резко дёрнул штурвал в сторону. Мачта с грохотом развернулась, и тяжёлый деревянный гик с размаху ударил Клауса по плечу. Парень потерял равновесие, выронил шпагу и повис на канатах, чудом не свалившись за борт. — Остерегаться нужно честных людей, — усмехнулся Филипп, возвращая штурвал на место. — Даже не заметишь, когда они сделают какую-нибудь глупость. Клаус со стоном поднялся, держась за ушибленное плечо. Филипп носком сапога подцепил упавшую шпагу, перехватил её в воздухе и протянул парню рукоятью вперёд. Он посмотрел вдаль, прищурившись от морского ветра. — Нам надо бы набрать людей. Легче было бы сделать это на Тортуге, но возвращаться сейчас туда — глупо. — Так куда держим курс? — глухо спросил Клаус, забирая оружие и всё ещё не придя в себя. Филипп повернулся к нему. На его губах снова заиграла та самая широкая, не предвещающая ничего хорошего улыбка. — На Форт королевы Анны! — радостно объявил он, театрально вскинув руку к горизонту.

Неизбежное случается

Корабль пришвартовался в Аннаполис-Ройале. Филипп и Клаус сошли на берег, а хряк, словно верный пёс, последовал за Филиппом. Клаус огляделся. Город казался куда более чинным и аккуратным, чем Тортуга: дома из красного кирпича, ровные улочки — и ни одного пьяницы, валяющегося в грязи. Впереди возвышался форт — мощное каменное сооружение с пушками, выглядывающими из бойниц. — И что мы здесь забыли? — спросил Клаус, не скрывая тревоги. — Я же говорил: мы здесь, чтобы набрать людей. — Филипп поправил шляпу и зашагал вперёд. — Для начала освободим из форта одного моего друга. Он немного насолил британской короне, и теперь я намерен вызволить его! — с пафосом объявил Филипп, картинно указав на стены форта. Клаус остановился, переваривая услышанное. — Ты собрался ворваться в целиком и полностью вооружённый форт, — медленно начал он, загибая пальцы, — освободить какого-то заключённого, который насолил Её Величеству, и спокойно уйти?! — Ну, во-первых, нет. — Филипп обернулся и подмигнул. — Я всё же не бессмертный. Во-вторых, я довольно мил и харизматичен. Я уговорю Анну его освободить. — Ты забыл упомянуть, что ещё ты самовлюблённый дурак, — буркнул Клаус, но Филипп уже не слушал. Филипп и хряк молча пошли вперёд. Клаусу ничего не оставалось, кроме как последовать за ними. У входа в форт их остановили двое солдат в ярко-красных мундирах, вооружённые длинными алебардами. — Гражданским вход воспрещён, — рявкнул один из них, преграждая дорогу. — О, несомненно, несомненно. — Филипп расплылся в самой обаятельной своей улыбке и пригладил усы. — Но мы по важному делу. К Анне. Стражник прищурился и перевёл взгляд с Филиппа на листовку, прибитую к двери. На ней красовался знакомый портрет с подписью: «Разыскивается живым! При обнаружении доставить к Её Величеству!» — Эй, да это же он! — крикнул стражник напарнику. Филиппа моментально заковали в цепи, но он даже не сопротивлялся. — Поаккуратнее! Рубаху мне не помните! — возмутился он. Потом обернулся через плечо к Клаусу: — О, этот, кстати, со мной! Клауса тут же заковали следом — прежде, чем он успел произнести хоть слово. Он попытался возразить, но Филипп уже подхватил упитанного хряка и сунул его в руки одному из охранников. — Следи за карманами, — предупредил он, пошевелив пальцами перед лицом удивлённого солдата. — Хрюшка ворует! Охранник ошарашенно уставился на свинью. Та смотрела на него с самым невинным видом. Филиппа и Клауса повели через форт. Длинные каменные коридоры сменялись широкими внутренними дворами, где проходило построение солдат. Офицер в напудренном парике расхаживал вдоль шеренги и выкрикивал команды, разносившиеся эхом по всему форту. — Равняйся! Смирно! — Где бы мне раздобыть пару таких солдатиков... — мечтательно протянул Филипп. — Мой корабль выглядел бы куда солиднее. Клаус промолчал, чувствуя, что его терпение подходит к концу. У высоких резных дверей, ведущих в королевский зал, Филипп вдруг выдернул руку из хватки солдата и остановился. — Я сам, — деловито сказал он. — Кыш-кыш! Потом указал на Клауса: — А ты стой здесь. И ни шагу. Не постучавшись, Филипп бесцеремонно распахнул двери и шагнул в зал. Клаус, разумеется, приказа не послушался и выглянул из-за косяка. У камина, в высоком кресле, сидела молодая женщина с королевской осанкой — Анна, королева Англии, как понял Клаус. Но что особа столь высокого положения делала в далёком колониальном форте, он не представлял. Она рассеянно смотрела в сторону, медленно водя пальцем по краю бокала. — Ах, Анна! — Филипп раскинул руки, словно встретил старую подругу. — Какая удивительная встреча! Как же я скучал по этому... Договорить он не успел: двое солдат скрестили алебарды у его шеи. — Нет, не надо. — Анна подняла руку. Солдаты замерли, но оружия не опустили. Она промокнула губы салфеткой и поднялась. — Анна, подруга моя... — начал Филипп с той же беспечной улыбкой. Клаус смотрел на него как на сумасшедшего. Кто вообще смеет так разговаривать с королевой? — Я пришёл просить помощи! — объявил Филипп. Анна

медленно и величественно приблизилась к нему. — Филипп... — Голос её звучал ровно, но в нём слышался лёд. Филипп тут же прикусил палец. На его лице появилась виноватая улыбка, в которой смешались замешательство и озорство. — А вот это было зря, — прошептал он. — Простите, кто?! — раздался голос из-за дверей. — Филипп?! Клаус проскочил мимо стражи, растолкал нескольких солдат и влетел в зал. Глаза его горели от возмущения. Филипп медленно, очень медленно повернулся к нему, сохраняя на лице всё ту же беспечную улыбку. — Я потом тебе всё объясню, — прошептал он и вновь повернулся к Анне. — Так вот, Анна... — Нет, Филипп! — выкрикнул Клаус. — Ты мне сейчас же всё объяснишь! Я не стану больше терпеть твои выходы! Если бы я не нашёл тебя, то мог бы умереть! Гаспар ищет тебя! — Но в итоге ты меня нашёл. — Филипп обернулся, продолжая улыбаться. — А теперь будь добр, помолчи. Анна переводила взгляд с одного на другого, явно забавляясь этой сценой. — Анна, мне нужно, чтобы ты освободила... — начал Филипп, но она перебила его, будто уже давно знала, о чём он попросит: — Ты с ума сошёл?! Этот человек пытался выкрасть мой парадный портрет! Скажи спасибо, что я его вообще не казнила! Филипп замер, возвёл глаза к потолку и простонал: — Да что же вы все меня перебиваете?! Когда наконец наступила тишина, Филипп без спроса подхватил со стола бокал и сделал глоток. — Что ж, я попытался, — сказал он, поворачиваясь к Клаусу с почти трагическим выражением лица. — Но у меня не получилось. Видимо, придётся провести остаток жизни в тюрьме. Он театрально вздохнул и посмотрел в потолок. Анна насмешливо улыбнулась, поправляя кружевной воротник. — Вот именно, Филипп. Ты правда думал, что просто приедешь — и я прощу все твои проделки, выпущу вора на свободу, а потом отпущу вас? Филипп задумчиво помычал, покосился по сторонам, нахмурился, будто всерьёз обдумывал вопрос, — и вдруг расплылся в улыбке. — М-м-м... Да, вообще-то, я именно так и думал! — объявил он с невинным видом. Анна покачала головой, сдерживая улыбку. — Уведите его, — приказала она, махнув рукой. — Ах да, Анна, — добавил Филипп, будто только сейчас вспомнил нечто важное. — Может, хотя бы парнишку отпустишь? Он-то ничего плохого не совершил. Анна перевела взгляд на Клауса, оценивающе его оглядела и пожала плечами. — Ладно. Но за ним будут следить. — Она строго подняла палец. — Он был с тобой, а значит, кто знает, что ты задумал. Филипп кивнул с благодарным видом. Стражники подхватили его под локти и повели к выходу. Уже у дверей он обернулся к Клаусу и быстро шепнул: — Жди меня на корабле. Только умоляю, не натвори глупостей! Клаус открыл рот, чтобы ответить, но Филиппа уже выволокли за дверь. С самого Клауса сняли цепи. Он потёр запястья, на которых остались красные полосы, ничего не сказал — лишь бросил на Анну тяжёлый взгляд, развернулся и вышел. Дверь за ним захлопнулась. Анна выждала несколько мгновений, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Затем подошла к комоду. Её пальцы скользнули по резной крышке небольшого сундучка и откинули её. Изнутри пахло старой бумагой, чернилами и едва уловимо — лавандой. Там хранились письма, донесения и векселя. — Король Франции Людовик ответил на моё письмо? — спросила она, не оборачиваясь. Королевский секретарь шагнул вперёд, одёрнув камзол. — Да, мадам. Франция отказалась передавать свою часть острова Санта-Сесилия. Испанский король Филипп Пятый поддержал решение своего деда и тоже ответил отказом. Анна замерла. Её пальцы сжали край сундучка. — Значит, войны не избежать. — Австрия и Голландия, узнав об объединении французского и испанского флотов, предложили заключить союз, дабы удержать власть на море. Она резко обернулась. Взгляд её стал острым, как лезвие абордажной сабли. — Отправьте ответ. Англия готова принять этот союз.

Старая подруга, новая судьба

Филиппа втокнули в камеру, предварительно отобрав всё, что нашли при нём: пистолет, саблю, пару ножей, мешочек с монетами и компас.— Поаккуратнее... — недовольно протянул он, приземлившись на холодный каменный пол. За спиной с лязгом захлопнулась решётчатая дверь. Стражник повернул ключ в замке и, не удостоив пленника даже взглядом, поднялся по ступеням. Первые часы Филипп провёл, расхаживая от стены к стене и насвистывая всё, что только мог вспомнить. Потом часы растянулись в дни. Дважды в сутки ему просовывали под дверь миску жидкой серой похлёбки, в которой изредка попадалась одинокая крупинка, и кружку воды с привкусом ржавчины. Из узкого окна под самым потолком был виден лишь клочок неба да верхушка крепостной стены. По утрам там кружили чайки, а к вечеру камни сырели, и в камере становилось так холодно, что Филиппу приходилось спать, обхватив себя руками. На третий день он уже начал спорить с крысой из-за куска чёрствого хлеба. На четвёртый дал ей имя и предложил место в своей будущей команде. На пятый день где-то наверху неожиданно раздался пронзительный свиной визг. Филипп, до этого лежавший на каменной скамье, кончиками пальцев приподнял шляпу, закрывавшую лицо.— Быть того не может... Из коридора донёсся топот, следом — удивлённый возглас стражника и тяжёлый глухой удар. Что-то с шумом покатилося вниз по ступеням. Филипп вскочил и выглянул сквозь прутья. У подножия лестницы, раскинув руки и ноги, лежал потерявший сознание охранник. Следом по ступеням важно спустился хряк. В зубах он держал связку ключей, а вид у него был такой гордый, будто он в одиночку захватил весь форт.— Хрюшка! — Филипп расплылся в улыбке и прижался лицом к решётке. — Я знал, что ты меня не бросишь! Хряк подошёл к камере и остановился напротив. Связка ключей звякнула о каменный пол.— Ну же, давай сюда. Филипп просунул руку между прутьями и ухватился за ключи. Хряк не отпустил и упрямо попятился. Филипп потянул сильнее. Хряк упёрся копытами в пол и замотал головой. Ключи зазвенели, но из крепко сжатой пасти не выскользнули.— Прояви хоть каплю уважения! — возмутился Филипп. Хряк лишь сердито хрюкнул. Филипп просунул вторую руку, вцепился в связку обеими ладонями и ногами упёрся в решётку. Некоторое время они тянули ключи каждый на себя. Наконец хряк внезапно разжал пасть. Филипп вместе с ключами отлетел к противоположной стене и ударился о неё спиной.— Ах ты... Хряк довольно фыркнул. Если бы свиньи умели смеяться, Филипп поклялся бы, что именно это он сейчас и делал.— На бекон пушу! — пообещал он, потирая ушибленный затылок. Хряк без всякого раскаяния улёгся возле камеры. Филипп перебрал ключи, с третьей попытки нашёл подходящий и открыл замок. Решётка протяжно закрипела.— Свобода, — торжественно произнёс он, выходя в коридор. — Никогда в тебе не сомневался. Стражник, ставший жертвой хряка, по-прежнему без сознания лежал у лестницы. Филипп наклонился над ним, снял с пояса охранника шпагу и поднялся на несколько ступеней. Возле караульного стола стоял деревянный стеллаж, на котором хранились отобранные у заключённых вещи. Филипп быстро отыскал свою саблю, пистолет, ножи, компас и мешочек с монетами. Взвесив последний на ладони, он нахмурился.— Такое чувство, будто здесь было побольше. Лежавший внизу стражник ничего не ответил.— Вот и я так думаю. Вернув оружие на привычные места, Филипп подхватил связку ключей и направился дальше — туда, где лестница уходила в нижние катакомбы тюрьмы. Хряк потрусил следом. С каждым шагом воздух становился тяжелее и холоднее. От стен тянуло сыростью, под сапогами хлопала вода. Редкие факелы чадили, отбрасывая на камни длинные дрожащие тени. Филипп шёл, насвистывая весёлую мелодию и крутя ключи на пальце, словно прогуливался по палубе собственного корабля, а не пробирался через подземную тюрьму. Стоило заключённым заметить связку в его руке, как катакомбы ожили.— Эй! Открой дверь! — Выпусти меня, прошу! — Я здесь незаслуженно! — Ключи сюда, приятель! Из-за решёток протягивались

худые руки. Кто-то молил, кто-то ругался, кто-то обещал Филиппу золото, корабль и вечную преданность, если тот только откроет дверь. Филипп не замедлил шага. — Простите, други, сегодня не ваш день. — Будь ты проклят! — крикнули ему вслед. — И вам доброго вечера. Он миновал ещё несколько камер и наконец остановился возле одной из последних. Здесь факел почти догорел, и за решёткой клубилась густая тень. Филипп сверился с выцарапанным на стене номером, затем широко улыбнулся. — А для вас, мистер, день сегодня вполне счастливый! Он вставил ключ в замок и провернул. Механизм щёлкнул, решётчатая дверь со скрипом приоткрылась. Несколько мгновений внутри никто не двигался. — Филипп? — раздался из темноты хриплый голос. На свет медленно вышел человек. Одежда висела на нём лохмотьями, волосы отросли и спутались, а заросшее щетиной лицо осунулось. По его виду было понятно: в этой камере он провёл не несколько дней и даже не несколько недель. Мужчина взглянул в стоящего перед ним Филиппа, словно боялся, что тот исчезнет. — Филипп... Это правда ты? Или у меня уже галлюцинации от здешней стряпни? — Можете ткнуть в меня шпагой. Умру как самый настоящий, — Филипп развёл руки. Узник шагнул ближе. Изумление на его лице сменилось слабой, недоверчивой улыбкой. — Мистер Якоб! — радостно воскликнул Филипп, разведя руки в стороны. Якоб обнял его и несколько раз похлопал по спине. — Филипп, это правда ты! Затем он отступил на шаг и вопросительно посмотрел на старого приятеля. — Но как ты здесь очутился? Филипп лукаво прищурился, склонил голову набок и повёл бровями. Казалось, вопрос поставил его в тупик. Он оглядел сырые стены, решётки и лежавшего у лестницы стражника, словно только сейчас заметил, где находится. — Посадили, — наконец сообщил он. — За содеянные мною грехи. Как выяснилось, их накопилось немало. — Чёрт с ними, с твоими грехами! Что делать будем? Филипп приблизился к Якобу и, понизив голос, заговорщически произнёс: — Мне нужно, чтобы ты нашёл для меня людей. Отбитых на всю голову, не слишком обременённых совестью и готовых пойти хоть на край света. Якоб оглянулся на камеры, из которых за ними наблюдали десятки глаз. — О, таких здесь полно. Он двинулся вдоль коридора, вглядываясь в лица заключённых. — Ганс! — Якоб остановился у первой камеры. — Говорят, ты вдвоём с братом ограбил испанский военный шлюп. — Врут, — отозвался широкоплечий мужчина с рассечённой бровью. — Нас было трое. Филипп одобрительно кивнул и открыл дверь. — Подойдёт. Из следующей камеры они выпустили тощего француза по прозвищу Лис, который умел открывать любой замок, кроме того, за которым сидел сам. За ним последовали братья Хоук — два рослых контрабандиста, одинаково молчаливые и одинаково злые. Потом к ним присоединились старый канонир, трое пиратов с Барбадоса, бородатый голландец с перебинтованной рукой и ещё несколько человек, чьи преступления Якоб либо помнил не до конца, либо предпочёл не произносить вслух. Через несколько минут в коридоре собралось больше десятка заключённых. Филипп взобрался на перевёрнутое ведро и поднял шпагу. — Что ж, господа! Поздравляю: с этой минуты вы свободные люди и, по совершенно счастливому совпадению, члены моей команды! Заключённые переглянулись. — А жалованье будет? — спросил кто-то из задних рядов. — Непременно. Как только оно у нас появится. — А корабль? — Есть. — Большой? Филипп на мгновение задумался. — Он обладает характером. Якоб покачал головой, однако улыбку скрыть не сумел. — За свободу! — крикнул один из пиратов. Остальные подхватили его крик. Подземелье наполнилось радостным рёвом, эхом прокатившимся по каменным коридорам. — Вот и славно! — Филипп спрыгнул с ведра. — А теперь предлагаю убраться отсюда до того, как хозяева заметят наше отсутствие. По пути вверх беглецы ворвались в караульную. Нескольких застигнутых врасплох стражников обезоружили, а из оружейных шкафов забрали сабли, шпаги, пистолеты и топоры. Филипп, не переставая насвистывать, первым взбежал по каменным ступеням. Якоб и остальные устремились за ним. Тяжёлая дверь распахнулась, и беглецы высыпали во внутренний двор форта. — Стой! Командный голос командора ударил не хуже пушечного выстрела. Филипп замер на верхней ступени. Улыбка медленно сползла с его

лица. Поперёк двора стояли два ряда солдат — не меньше двадцати человек. Красные мундиры образовали ровную линию, начищенные штыки блестели в солнечном свете. Мушкеты уже были заряжены. — Равняйся! — скомандовал командор. Солдаты одновременно выпрямились. — Первый ряд — на колени! Десять человек опустились, вскинув мушкеты. Второй ряд остался стоять и направил стволы поверх их плеч. — Целься! Во дворе стало так тихо, что Филипп услышал, как рядом тяжело дышит Якоб. Командор сделал шаг вперёд. Его руки в белых перчатках были скрещены за спиной, а на лице не дрогнул ни один мускул. — Филипп Монтеро, вы и ваши сообщники приговариваетесь к смертной казни через расстрел за освобождение опасных преступников. Приговор привести в исполнение немедленно. Он поднял руку. Филипп поспешно шагнул вперёд, выставив перед собой обе ладони. — Погодите секундочку! Неужели вам кажется, что эти ни в чём не повинные лица заслуживают такой мучительной смерти? — Он обвёл рукой оборванную толпу за своей спиной. — Не лучше ли будет повесить нас на главной площади, на потеху честному народу? Музыка, торговцы, праздничная суета... Казна могла бы заработать на билетах. Командор даже не взглянул на него. — Огонь! — Ой-ёй... Двор содрогнулся от залпа. Густой пороховой дым рванулся из стволов. Каменные стены многократно повторили грохот выстрелов. Беглецы бросились врассыпную. Двое рухнули на месте, ещё несколько, вскрикнув, повалились на ступени. Пуля сорвала шляпу с головы Якоба. Он пригнулся, выругался и метнулся к перевёрнутой телеге. Филипп рванул в противоположную сторону. — Что ж, друзья, вот и ваш шанс проявить себя! — крикнул он на бегу. — Хватайте оружие и сражайтесь за жизнь вашего нового капитана! — А сам ты куда?! — донеслось вслед. — Руководить из безопасного места! Филипп взлетел по боковой каменной лестнице, перепрыгивая через две ступени. Командор выхватил пистолет, прицелился ему в спину и взвёл курок. Филипп вдруг остановился. — О, монетка! Он наклонился, подхватывая что-то с земли. В ту же секунду грянул выстрел. Пуля просвистела над его головой и выбила каменную крошку из стены. Филипп выпрямился, осмотрел найденную монету и довольно улыбнулся. — Сегодня определённо мой день. Следующий выстрел заставил его нырнуть за угол. Внизу пираты с яростным криком бросились на солдат. Они понимали: пока мушкетёры перезаряжают оружие, у них есть лишь несколько секунд. Ганс первым врезался в строй, отведя штык саблей. Ударом плеча он сбил солдата с ног и тут же сцепился со вторым. Братья Хоук держались рядом, прикрывая друг другу спины. Один рубил коротко и точно, другой орудовал тяжёлым топором, заставляя красномундирников отступать. Старый канонир выстрелил из захваченного пистолета почти в упор. Порох обжёг ему пальцы, но солдат напротив рухнул, выронив мушкет. Француз Лис проскользнул между двумя штыками и полоснул одного из противников по руке. На несколько мгновений ровный строй рассыпался. Двор наполнился звоном стали, выстрелами и криками. Пороховой дым щипал глаза, кровь темнела на красных мундирах и сером камне. — Не ломать строй! — проревел командор. — Вторая линия, назад! Перезарядить! Солдаты отступили к стене, прикрывая мушкетёров штыками. В отличие от беглецов, каждый из них знал своё место. Пока одни сдерживали натиск, другие торопливо засыпали порох в стволы и вгоняли пули шомполами. Якоб выскочил из-за телеги и скрестил клинок с молодым сержантом. После нескольких ударов он выбил оружие из руки противника, но тут же едва успел уклониться от штыка другого солдата. — Филипп! — крикнул он, пятясь. — Если у тебя есть план, сейчас самое время им поделиться! Ответа не последовало. — Разумеется, — прорычал Якоб. — Как всегда. — Готово! — донеслось от мушкетёров. Командор вскинул шпагу. — Отойти! Солдаты передней линии разом расступились. Пираты, увлечённые боем, оказались перед направленными на них мушкетами. — Огонь! Второй залп оказался страшнее первого. Ганс покачнулся и рухнул на колени. Один из братьев Хоук упал рядом с ним, выпустив топор. Остальные попятились, но солдаты уже двинулись вперёд, сомкнув штыки. Численное преимущество и выучка сделали своё дело. Беглецы дрались отчаянно, однако их теснили к тюремной лестнице. Один за

другим они теряли оружие. Тех, кто продолжал сопротивляться, сбивали прикладами и валили на камни. Якоб отбил ещё один удар, но сзади его схватили за плечо. Он развернулся, успел врезать нападавшему локтем, однако другой солдат ударил его прикладом под колени. Якоб рухнул. На него навалились сразу трое, заломили руки и выбили шпагу. — Брать живыми! — приказал командор. — Кто сложит оружие, останется в живых! Последние пираты переглянулись. Окружённые со всех сторон, они один за другим бросили клинки на землю. Звон последней сабли прозвучал во дворе почти оглушительно. Через несколько минут всё было кончено. На камнях лежали убитые и раненые с обеих сторон. Уцелевших беглецов поставили на колени и связали. Стража потеряла немало людей, но форт остался за ней. Командор медленно прошёл вдоль пленников, всматриваясь в их лица. Дойдя до Якоба, он остановился. — Где Монтеро? Якоб поднял разбитое лицо и усмехнулся. — Руководит из безопасного места. Командор оглянулся на пустую боковую лестницу. Филиппа там уже не было. — Найти его, — процедил он. — Перекрыть все выходы из форта. — Ой, да я вас умоляю! Это совершенно лишнее. Все головы разом повернулись на голос. Филипп стоял на крепостной стене, небрежно опираясь ногой на бочку. В одной руке он держал пистолет, а другой приветственно махал людям во дворе. Судя по беззаботной улыбке, последние несколько минут он провёл не в бегстве, а на приятной прогулке. — Монтеро! — Командор потянулся к оружию. Филипп толкнул бочку сапогом. Та перевалилась через край стены и с грохотом покатила вниз по наклонному настилу, подпрыгивая на досках. Из неплотно забитого отверстия за ней тонкой дорожкой сыпался чёрный порошок. Один из солдат побледнел. — Командор Бекингом, это пороховая бочка! Гренвилл Бекингом мгновенно оценил опасность и бросился в сторону. — Ложись! Филипп прицелился в рассыпавшийся порошок и нажал на спуск. Вспыхнула ослепительная искра. Огонь змеей пробежал по чёрной дорожке и добрался до бочки. Грянул взрыв. Ударная волна прокатилась по двору, подняв тучу пыли и щепок. Солдат, не успевших отбежать достаточно далеко, сбilo с ног. У остальных из рук вырывало мушкеты. Окна караульной задрезбужали, а с ближайшей стены посыпалась каменная крошка. Якоб, пригнувшийся за плечом одного из стражников, поднял голову. Увидев Филиппа целым и невредимым, он расхохотался. — Филипп! Ха-ха! А я уж подумал, что ты нас бросил! — Якоб, меня глубоко ранит само это предположение! Филипп ухватился за свисающий со стены канат и съехал по нему во двор. Приземление вышло почти грациозным — если не считать того, что в последний момент он поскользнулся, взмахнул руками и чудом удержался на ногах. Неподдалёку командор Бекингом приподнялся на локте и потянулся к выпавшему пистолету. Филипп подскочил первым и пинком отбросил оружие в сторону. — Командор Бекингом, — произнёс он, приложив ладонь к груди, — полагаю, этот день вы запомните надолго. Бекингом посмотрел на него с такой ненавистью, что, казалось, мог застрелить одним взглядом. — Я найду тебя, Монтеро. — Буду ждать с величайшим нетерпением. Но желательно не сегодня. Филипп сорвал с пояса ближайшего оглушённого стражника нож и перерезал верёвки на руках Якоба. Тот тут же освободил остальных уцелевших пиратов. Хрюшка выскочил из клубов порохового дыма и боднул солдата, пытавшегося подняться. — Все за мной! — скомандовал Филипп. Пираты подхватили оружие и устремились к воротам. Оставшиеся на ногах стражники попытались преградить им дорогу, но после взрыва строй был окончательно разрушен. Якоб сбил одного противника плечом, уцелевший брат Хоук оттеснил второго, и беглецы вырвались из форта. Позади уже звучали крики Бекингема: — Поднять тревогу! Закрыть гавань! Не дать им уйти! Филипп, Якоб и остальные неслись по городским улицам, расталкивая прохожих. За ними с сердитым визгом мчался Хрюшка. Колокола форта ударили тревогу, и над крышами замесились вспугнутые чайки. Через несколько минут беглецы добрались до пристани. Филипп первым выскочил на причал — и резко остановился. Там, где должен был стоять фрегат, теперь покачивалась только мутная вода. Корабля не было. Филипп несколько раз моргнул. Потом прикрыл лицо ладонью и протяжно

простонал:— Я же просил его не творить глупостей...Пираты один за другим остановились за его спиной.— Эй, капитан! — раздался недовольный голос. — И где обещанный корабль? Филипп медленно повернулся к ним. На его лице появилась виноватая улыбка.— Видите ли, господа... По некоему совершенно непредвиденному стечению обстоятельств мой корабль... реквизировали.— Кто?— Обстоятельства.К его лицу одновременно приблизились несколько клинков. Филипп отпрянул так, что перо на его шляпе дрогнуло.Якоб встал между ним и разъярёнными пиратами, пытаясь развести шпаги в стороны.— Спокойно! Мы только что выбрались из форта. Не стоит убивать капитана раньше, чем он раздобудет нам другой корабль. — Что же ты за капитан такой, если даже корабль уберечь не можешь?! — рявкнул бородатый голландец.Филипп переводил взгляд с одного клинка на другой, лихорадочно подыскивая достойный ответ. В этот момент за спинами пиратов он заметил Клауса. Тот спокойно шёл вдоль пристани с бумажным свёртком в руках, будто происходящее его совершенно не касалось.Филипп внезапно округлил глаза и указал куда-то в небо.— Пресвятые угодники, это ещё что такое?!Пираты невольно обернулись.Филипп пригнулся, проскользнул под скрещёнными клинками и помчался к Клаусу.— Где мой корабль?! — Он схватил юношу за плечи. — Я спрашиваю: где мой корабль?!Клаус спокойно посмотрел на него. В уголках его губ появилась улыбка, больше похожая на вызов.— Я его продал.Филипп застыл.— Что ты сделал?!Он театрально прижал обе руки к сердцу, будто слова Клауса нанесли ему смертельную рану.— Я его продал, — повторил тот. — Всё равно он был краденый.— Я же просил тебя без глупостей!— Я ждал несколько дней! Тебя не было, а мне есть было нечего. К тому же этот фрегат уже искали. Остаться с ним в гавани означало самому попроситься в тюрьму.— Ловил бы рыбку, ел бы жучков! Но не продавать же из-за этого корабль! Подоспевшие пираты молча наблюдали за перепалкой. Даже шпаги немного опустились.— Я вообще собирался уплыть и бросить тебя здесь, — признался Клаус. — Новый корабль найдёшь. Ты же пират.Филипп открыл рот, но подходящих слов не нашёл. Он несколько раз ткнул пальцем в сторону Клауса, словно собирался высказать всё, что о нём думает, однако из груди вырвался лишь возмущённый вздох.— Ах да, ты, видимо, прослушал, когда я говорил тебе несколько дней назад: тебя Гаспар ищет!Филипп перестал размахивать руками. Он отступил от Клауса на шаг, отвернулся, а затем снова повернулся к нему.— Гаспар, говоришь? — переспросил он, прищурившись.— Да.Филипп опять отвернулся. Он почесал затылок, несколько мгновений порылся в памяти и повернулся обратно.— Не-а. Не помню такого.— Как не помнишь?! — возмутился Клаус. — По-моему, он тебя очень хорошо помнит! Он убил всех людей на «Морском льве», а меня пощадил только затем, чтобы я нашёл тебя!Филипп задумчиво поджал губы.— Всех, говоришь?— Всех!— Значит, ребятам не повезло, — заключил Филипп, пожав плечами. — Такое в море случается.Клаус уставился на него, не веря собственным ушам.— И это всё, что ты можешь сказать?!— А что ещё прикажешь сказать? — Филипп развёл руками. — Я их не знал. Гаспара, к слову, тоже.Он ещё раз нахмурился, добросовестно перебирая обрывки воспоминаний, затем уверенно покачал головой.— Нет. Точно не помню.— Кхм-кхм.Бородатый голландец выразительно кашлянул, обращая на себя внимание.— Я, конечно, всё понимаю... — Он резко вскинул шпагу и направил остриё на Филиппа. — Но что ты собираешься делать с кораблём, капитан?Филипп осторожно отвёл клинок указательным пальцем и неторопливо зашагал между пиратами.— Итак, господа, положение наше нельзя назвать многообещающим. Мой корабль продан, за нами гонится британская стража, а ещё какой-то Гаспар рыщет по морям в поисках меня.Он миновал пиратов, остановился и развернулся к ним лицом.— Вы спросите: «Что же ты намерен делать, Филипп?» А я отвечу: мы пираты! — Он широко развёл руки и улыбнулся. — Корабль всегда можно украсть.— И у кого же? — спросил уцелевший Хоук. — В гавани одни военные и торговые суда. С первыми связываться — верная смерть. А если возьмём торговое, нас догонит флот и всё равно расстреляет.— Вы совершенно правы, но... — Филипп

поднял указательный палец. — Нам и не нужен огромный фрегат. Достаточно быстроходной шхуны. На ней мы покинем Аннаполис-Ройал, а затем возьмём курс...Он замедлил речь, достал компас и открыл крышку. Стрелка заметалась из стороны в сторону, будто тоже не могла решить, куда им бежать. Наконец она дёрнулась и замерла.— Ага! Нам туда. Филипп решительно указал в сторону дальнего конца гавани и широким шагом зашагал вперёд. — Там склады королевской таможни, — заметил Якоб. Филипп остановился, посмотрел на компас, перевернул его вверх дном, встряхнул и снова указал в ту же сторону.— Значит, компас уверен.— А ты?— Я стараюсь ему не мешать. За таможенными складами, у старого причала, стояла небольшая двухмачтовая шхуна. Её команда разгружала ящики с сахаром и бочонки рома. На палубе оставались только пожилой шкипер, двое матросов и юнга, лениво натиравший медную рынду. Филипп спрятал компас и оглядел своих людей.— Господа, сейчас нам понадобятся тишина, осторожность и предельная незаметность. Хрюшка громко хрюкнул. — Особенно от тебя. Пираты обогнули склад и разделились. Якоб с голландцем поднялись на причал со стороны кормы. Хоук и ещё двое спрятались за штабелями ящиков. Филипп же, сопровождаемый Клаусом и Хрюшкой, невозмутимо направился прямо к сходням.— Добрый день! — приветствовал он шкипера. — По распоряжению королевской таможни ваше судно подлежит немедленному осмотру. Шкипер окинул взглядом его потрёпанную одежду, саблю и свинью.— А ты ещё кто такой?— Старший королевский проверяющий свиней.— Чего? Хрюшка словно понял, что настал его выход, и рванулся вперёд. Шкипер отскочил, матросы бросились его ловить, а из-за ящиков на палубу уже перемахнули пираты. Всё закончилось быстрее, чем успел опомниться юнга. Команду шхуны обезоружили, высадили на причал и заперли в пустом таможенном складе. Никого убивать не пришлось, что Филипп счёл приятной экономией времени и пороха.— Отдать швартовы! Поднять паруса! — скомандовал он, взбегая на корму.— А название у неё есть? — спросил Клаус, хватаясь за канат. Филипп взглянул на потёртые буквы на борту.— «Благоразумная Мэри». Якоб хмыкнул.— Тебе подходит. — Полностью согласен. Кроме первого слова, — язвительно добавил Клаус. Паруса только начали наполняться ветром, когда на другом конце пристани показался отряд гвардейцев. Красные мундиры мелькнули между складами.— Вон они! — крикнул сержант. — Огонь! Прогремел беспорядочный залп. Пули застучали по борту, одна расколола поручень рядом с Якобом, другая пробила нижний край паруса. Пираты пригнулись, но продолжили тянуть снасти. Филипп стоял у штурвала и отчаянно вращал его, хотя шхуна ещё почти не двигалась. — Ветер, дружище, сейчас самое время доказать, что ты на нашей стороне! Паруса хлопнули и разом натянулись. Шхуна дёрнулась, отошла от причала и стала набирать ход. С пристани прозвучал второй залп, но расстояние уже увеличилось. Пули подняли вокруг судна фонтаны воды, а одна проделала ещё одну дыру в парусине.— Они портят мой корабль! — возмутился Филипп.— Он не твой! — крикнул Клаус.— Теперь мой, и это совершенно меняет дело! Шхуна вырвалась из гавани. На стенах форта забила тревогу, тяжёлые пушки начали разворачиваться к морю, но беглецов уже прикрывали торговые суда. Стрелять вслед им означало рисковать чужими кораблями. Через некоторое время берег Аннаполис-Ройала превратился в тонкую тёмную полоску на горизонте. Филипп снова достал компас. Стрелка теперь показывала в противоположную сторону. Он поднял руку и стал водить указательным пальцем в воздухе вслед за её движениями.— Нам надо плыть...Стрелка замерла.— Туда! Она тут же крутанулась снова.— Нет-нет, не туда. Филипп повернулся на месте, стараясь поймать направление. Стрелка прыгала, дрожала и всякий раз меняла решение, стоило ему сделать шаг. Пираты наблюдали за этим молча. Первым не выдержал Клаус.— Ты вообще знаешь, куда мы плывём?— Разумеется.— Куда?— Прочь от Аннаполис-Ройала.— Это не направление!— Зато превосходное начало. Хрюшка устроился у мачты и с громким хрустом жевал найденное яблоко. Филипп присел перед ним и поднёс компас к свиному рылу.— Ну? Что скажешь? Хряк ткнулся носом в крышку. Стрелка дёрнулась и наконец остановилась. Филипп поднялся.

— Туда. Да, определённо туда!— Это свинья выбрала курс, — заметил Якоб.— Зато она единственная на борту не спорит с капитаном.Шхуна легла на новый курс. К вечеру ветер усилился, по морю пошли тяжёлые серые волны. Судно стало бросать из стороны в сторону. Повреждённая парусина трещала, снасти натужно гудели.Потом начала прибывать вода.Сначала тонкая струйка просочилась между досками в трюме. Спустя час вода уже плескалась по щиколотку. Пираты по очереди работали ведрами, передавая их по цепочке и выплёскивая за борт. Даже Клаусу пришлось забыть об усталости. Хрюшка путался под ногами, сердито визжал при каждом сильном крене и один раз едва не улетел за борт вместе с пустым ведром.— Если мы утонем, — прохрипел голландец, выливая очередное ведро, — я вернусь с того света и убью тебя, капитан.— Встанешь в очередь! — отозвался Филипп, вцепившись в штурвал.Они черпали воду всю ночь. Только к рассвету ветер ослаб, а море перестало пытаться перевернуть шхуну.Из утреннего тумана показался остров.Он был огромен. Зелёные склоны поднимались над водой сплошной стеной, вершины скрывались в низких облаках. Берег опоясывали мангровые заросли, похожие на переплетённые пальцы великана. Между ними темнело устье реки, уходившей глубоко в сердце острова.— Шхуна там не пройдёт, — сказал Филипп, всматриваясь в узкий проход. — Пересаживаемся в шлюпки, господа.Якорь бросили у берега. На воду спустили две шлюпки. В первую сели Филипп, Клаус, Якоб и голландец. Во вторую — Хоук, двое оставшихся пиратов и Хрюшка, которому пришлось долго объяснять, что прыгать между лодками посреди реки не следует.Они вошли в устье.Сначала река была широкой, а над головами оставалось голубое небо. Но чем дальше шлюпки углублялись в остров, тем теснее смыкались деревья. Ветви переплетались высоко над водой, образуя зелёный свод. Солнечный свет проникал сквозь листву редкими золотистыми пятнами и вскоре почти исчез.Воздух стал густым, влажным и тяжёлым. От воды поднимался запах тины, гниющих листьев и незнакомых сладких цветов. В зарослях стрекотали насекомые, кричали невидимые птицы. Иногда рядом с лодками вспухали пузырьки, и под мутной поверхностью скользило что-то крупное.Клаус крепче сжал весло.— Здесь водятся крокодилы?— Несомненно, — ответил Филипп.— Ты мог бы сказать, что нет.— Мог бы. Но тогда крокодилы оказались бы неприятным сюрпризом.Хрюшка, сидевший во второй лодке, тревожно принохивался и время от времени хрюкал в сторону зарослей. Один раз оттуда ответил низкий гортанный рык. После этого хряк перебрался на середину шлюпки и больше не высовывался.Река становилась всё уже. Корни деревьев спускались в воду, словно длинные чёрные пальцы. Лодкам приходилось лавировать между корягами и островками ряски.Вскоре впереди замерцал огонёк. Потом второй. Третий.За стеной свисающих лиан обнаружилась небольшая деревня, скрытая от чужих глаз. Деревянные дома стояли на высоких сваях прямо над тёмной водой. От каждого тянулся крохотный причал, а узкие шаткие мостки соединяли жилища между собой. Суши почти не было видно. Повсюду горели свечи и масляные светильники: на окнах, перилах, ступеньках и даже в маленьких чашах, плававших по реке.Местные жители молча наблюдали за незнакомцами из дверей и окон. Кто-то тут же задёргивал занавески, кто-то касался пальцами амулета на шее. Лишь несколько детей побежали по мосткам вслед за шлюпками, пока пожилая женщина резким окриком не загнала их в дом.Филипп уверенно свернул к самому дальнему жилищу. Оно стояло в стороне от остальных и почти скрывалось за корнями исполинского дерева. Под крышей покачивались связки сухих трав, костяные подвески и маленькие мешочки, перевязанные красной нитью.Он остановил шлюпку у узкого причала. — Мы пришли.— К кому? — спросил Клаус.— К старой подруге.— У тебя бывают подруги, которые не пытаются тебя арестовать?Филипп задумался.— Сейчас и узнаем.Двух пиратов оставили присматривать за лодками. Остальные поднялись по скользким ступеням. Хрюшка протиснулся между ними и первым оказался у двери.Филипп толкнул её и вошёл.Внутри пахло дымом, сушёными травами, пряностями и чем-то горьким, похожим на лекарство. С потолочных балок свисали пучки корней, перьев и высушенных цветов. Вдоль стен стояли

клетки с птицами и змеями. Между ними теснились банки с мутной жидкостью. В одних плавали глаза животных, в других — уши, пальцы и крошечные кости, принадлежность которых Клаус предпочёл не угадывать. Посреди комнаты стоял старый перекошенный стол. Его поверхность была покрыта царапинами, ожогами и въевшимися пятнами, словно стол пережил не одну сотню лет. На нём горели три чёрные свечи и лежала колода потёртых карт. За столом сидела женщина. Её тёмная кожа отливала бронзой в свете свечей. Длинные седые косы были переплетены раковинами, медными кольцами и синими бусинами. На шее висело множество амулетов, а запястья охватывали браслеты из дерева и кости. По левой щеке тянулась тонкая белая линия старого шрама. Глаза у неё были янтарными — яркими и внимательными, будто в полумраке они видели больше, чем остальные при солнечном свете.

— Ошун, — обратился к ней Филипп. Женщина не сразу подняла голову. Она перевернула последнюю карту, провела пальцем по её краю и только потом посмотрела на гостя. Её губы медленно растянулись в улыбке, открыв зубы, потемневшие от крепких травяных настоев.

— Фили-и-ип, — протянула она, поднимаясь из-за стола. Слова текли медленно, с мягкими непривычными ударениями. — Долго морэ носило тэбя. А всё-таки принесло к моя дверь. — Море знает, где мне рады. Ошун тихо рассмеялась. — Рады?.. Нэт. Но ждали. Она обошла стол, не сводя с него глаз. — Пришёл судьбу свою узнать? — Зачем? Я и так её знаю. — На лице Филиппа смешались удивление и веселье. — Видишь ли, мне нужен корабль. Самый быстроходный из тех, что ты способна достать. Проходя мимо одной из банок, он ткнул пальцем в плавающий внутри глаз. Тот качнулся в мутной жидкости и словно повернулся к нему зрачком. Филипп высунул язык, скорчил гримасу и поспешно отвернулся. — О-о-о, Филипп... — протянула Ошун. — Корабэл быстрый достать могу. Такой, что ветер за ним нэ угонится. Только что дашь мнэ взамен? Она медленно оглядела гостей. Её взгляд задержался на Хрюшке. Филипп тут же шагнул вперёд, заслонив хрюка собой. — Хрюшку не отдам. Ошун рассмеялась — негромко, но так, что птицы в клетках беспокойно зашевелились. Потом её лицо вновь стало серьёзным. — Дай мнэ руку. Она протянула раскрытую ладонь. — Что? Зачем ещё? Филипп прижал руки к груди. Ошун не шевельнулась. Она просто ждала. Несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга. Наконец Филипп закатил глаза и нехотя вложил руку в её ладонь. Пальцы Ошун сомкнулись на его запястье. Она закрыла глаза. Пламя свечей дрогнуло, хотя ни дверь, ни окна не открывались. Змеи в клетках зашипели. Где-то под полом тихо плеснула вода. — Вижу... — прошептала Ошун. — За тобой идёт смерть. По следу ступает, имя твоё шепчет. Хочет в царство мёртвых тэбя увести. И нэ успокоится, пока нэ получит своё. Филипп повернул голову к Клаусу. — Это случайно не тот Гаспар, про которого ты мне втирал? — Откуда мне знать? — буркнул Клаус. Ошун открыла глаза, но руку Филиппа не отпустила. — Корабэл нужен тэбэ такой, чтобы от самой смерти убежать. Только от смерти, Филипп, быстро нэ уплывёшь. Она терпеливая. — А я чрезвычайно надоедливый. Посмотрим, кто кого. Ошун отпустила его и перевела взгляд на Клауса. — Тэбя. Клаус оглянулся, словно надеялся, что она обращается к кому-то другому. — Я? — Тревожит тэбя что-то. Да-а... Смерть ты видел. Близко видел. Но нэ она сердце твоё грызёт. Другая рана там сидит. Она неожиданно схватила его за руку. Клаус дёрнулся, но вырваться не успел. — Эй! Ошун провела большим пальцем по его ладони и улыбнулась. — А-а-а, вижу тэперь. Камень преткновения всех мужчин встретил ты. — Что ещё за камень? — настороженно спросил Клаус. — Море? — предположил Якоб. — Астрономия? — произнёс голландец. — Дихотомия добра и зла? — задумчиво добавил Хоук. — Бабы! — уверенно объявил Филипп. Ошун медленно кивнула. Клаус выдернул руку. Кончики его ушей заметно покраснели. Филипп уставился на него с неподдельным возмущением. — Почему даже я об этом не знал? — Потому что я тебе не говорил. — Вот именно! — Филипп ткнул в него пальцем. — Подобные вещи от капитана скрывать нельзя. — Ты мне не капитан. — Сейчас не время обсуждать мелкие формальности. Ошун вернулась к столу и медленно перевернула две карты. На одной была изображена башня с освещёнными

окнами, на другой — юноша в простой одежде, стоящий у её подножия. — Высоко она стоит, — произнесла женщина. — В богатом доме, за крепкими дверями. А ты снизу смотришь. Тянешься, да достать нэ можешь. Веселье исчезло с лица Клауса. Он отвёл глаза от карт. — Ничего вы не знаете. — Может, нэ знаю, — отозвалась Ошун. — Только сердце твоё знает. И молчит громче, чем рот твой. В комнате ненадолго стало тихо. Даже Филипп не нашёлся с ответом. — Так что там насчёт корабля? — наконец спросил он. — Будэт тэбэ корабэл. Ты только жди... А пока ступайте в спальные дома. Каждый из вас устал. Утром будэт тэбэ корабэл, Филипп. Ошун вернулась за стол, собрала карты и принялась раскладывать их заново. Её губы зашевелились. Она тихо произносила незнакомые слова — гортанные, тягучие, похожие то ли на молитву, то ли на старую песню. Пламя чёрных свечей вытянулось и окрасилось в синеватый цвет. — Ну всё, ну всё, пошли отсюда! Нечего тут глазеть, — заторопился Филипп. Он вытолкал остальных за дверь, прежде чем кто-нибудь успел задать Ошун новый вопрос. На мостках их встретили три женщины. Чем-то они напоминали Ошун — возможно, украшениями в волосах и тяжёлыми браслетами на запястьях, — но во всём остальном были совершенно разными. Одна оказалась высокой и худой, другая — коренастой, с коротко остриженными волосами, а третья была совсем молодой и несла масляный светильник. Женщины заговорили на незнакомом языке. Ни Филипп, ни Якоб не поняли ни единого слова. Впрочем, объяснение им и не понадобилось: одна из местных жительниц указала на просторный дом в середине деревни и жестом велела следовать за ней. Гостевой дом стоял на особенно толстых сваях. Внутри были расставлены низкие деревянные кровати, а под потолком висели плетёные гамаки. На столе путников ждали запечённая рыба, лепёшки из толчёных кореньев, сладкие плоды и кувшины с прохладной водой. После нескольких дней тюремной похлёбки, погони, боя и ночи на тонущей шхуне даже молчаливый Хоук смотрел на еду почти с благоговением. — Ужин, постели и ни одного мушкета поблизости, — сказал Якоб. — Начинаю подозревать, что мы умерли. — Тогда загробная жизнь значительно лучше моей прежней, — отозвался голландец, набивая рот рыбой. Через полчаса в доме воцарилась тишина — если, конечно, не считать храпа. Якоб уснул первым, едва коснувшись головой свёрнутого одеяла. Он храпел так громко, что дрожали подвешенные к потолку раковины. Голландец попытался перебраться подальше, но обнаружил, что Хоук храпит не тише. В результате он устроился в гамаке между ними, закрыл уши тряпками и всё равно несколько раз просыпался, чтобы выругаться. Клаус лёг у окна. Впервые за долгое время под ним была сухая постель, над головой — целая крыша, а вокруг не гремели выстрелы и не ходили мертвецы. Он ещё некоторое время прислушивался к плеску воды под сваями, затем коснулся внутреннего кармана, где хранилась голубая лента, и незаметно уснул. Филипп выбрал гамак. Поначалу он ворочался, не понимая, как в него забраться, потом наконец устроился и довольно натянул шляпу на лицо. Среди ночи верёвка с одного края развязалась. Филипп с коротким воплем рухнул на пол, несколько мгновений полежал, прислушиваясь, не заметил ли кто-нибудь, после чего молча завернулся в упавший гамак и продолжил спать прямо там. Хрюшка занял единственную свободную кровать. Когда один из пиратов попытался его согнать, хряк оскалился так убедительно, что спорить никто не стал. Утро пришло вместе с густым белым туманом. Он стелился над водой, окутывал сваи домов и скрывал противоположный берег реки. Путников разбудил запах горячих лепёшек и глухой стук в дверь. Женщины уже ждали их на мостках. Не говоря ни слова, они проводили гостей к шлюпкам. Двое пиратов, оставленных ночью у лодок, спали, привалившись друг к другу спинами. Судя по пустой миске между ними, местные жители не оставили их без ужина. Филипп разбудил обоих носком сапога. — Подъём, господа. Вас ждёт новый корабль, а меня — очередная блестящая победа над здравым смыслом. Они заняли места в шлюпках и поплыли обратно. Деревня постепенно растворилась в тумане. Последними исчезли огни, плававшие на поверхности реки, а затем лианы сомкнулись за кормой, будто здесь никогда не существовало ни домов, ни людей. Путь до моря занял несколько часов.

Когда шляпки выбрались из устья, солнце уже поднялось над островом, разгоняя остатки тумана. И тогда все увидели корабль. Вдалеке, за оставленной у берега шхуной, стоял огромный чёрный фрегат. Он возвышался над водой, словно крепость. Доски его корпуса были чернее безлунной ночи и не отражали солнечного света. Нос украшала позолоченная фигура женщины с закрытыми глазами, протягивавшей руки навстречу морю. Из бортов смотрели два ряда пушечных портов. Над палубой поднимались три высокие мачты. На них были распущены тёмно-красные паруса — густого, глубокого цвета, напоминавшего свежую кровь. Ветра почти не было, но парусина медленно колыхалась, словно корабль дышал. Ни одного человека на палубе видно не было. Пираты перестали грести. Даже Якоб на несколько мгновений потерял дар речи. На берегу за их спинами послышался тихий плеск. Ошун стояла у самой воды. Ни лодки, ни сопровождающих рядом с ней не было. Казалось, она просто вышла из утреннего тумана. — Вот твой корабэл, Филипп, — произнесла она. — Теперь сможешь ты от смерти убежать. Но запомни: рано или поздно придётся ей бой дать. Вечно бегать нэ получится. Порыв ветра поднял с воды белую пелену. На мгновение Ошун скрылась в ней, а когда туман рассеялся, берег оказался пуст. Филипп молча смотрел на фрегат. Затем медленно поправил шляпу, опустив её поля так, чтобы они скрыли глаза. Уголки его губ дрогнули и растянулись в широкой, знакомой улыбке. Перед ним покачивался чёрный корабль с кроваво-красными парусами.

Папа, я пиратка!

— Ну же, чего стоим? Живо все на корабль! — Филипп побежал по песку к шлюпкам.

За ним бросились остальные, и вскоре вся команда уже поднялась на борт. Вблизи корабль казался ещё прекраснее. Тёмное дерево блестело под солнцем, натянутые канаты тихо гудели на ветру, а высокие мачты уходили в самое небо. На носу красовалась вырезанная из дерева русалка. Краска на её лице местами облупилась, но надменный взгляд всё равно будто был обращён вдаль, за горизонт.

Филипп медленно осмотрел палубу и провёл ладонью по борту.

— Неплохо, неплохо... Можно было, конечно, и лучше...

— Филипп! — недовольно окликнул его Клаус.

— Но и такой тоже пойдёт...

Филипп поднялся по ступеням на капитанский мостик и положил руку на штурвал. Несколько мгновений он стоял неподвижно, довольно улыбаясь, словно всю жизнь ждал этой минуты.

— Поднять паруса! — скомандовал он.

Пираты засуетились, принялись тянуть и привязывать канаты. Кто-то полез по вантам, кто-то освобождал свёрнутые паруса. Полотнища с хлопком развернулись над палубой и тут же наполнились ветром.

Как только всё было готово, корабль резко дёрнуло вперёд. Большая часть команды попала на палубу, не успев ни за что ухватиться. Покатались пустые бочки, кто-то громко выругался, а мистер Якоб едва не перелетел через поручни.

Филипп обеими руками вцепился в штурвал и каким-то чудом удержался на ногах.

— Вот это я понимаю — корабль! — радостно воскликнул он.

Клаус с недовольным видом поднялся с палубы и отряхнул одежду.

— Предупреждать надо!

— Капитан никого не предупреждает. Капитан приказывает! — Филипп гордо расправил плечи.

Первым делом они направились на Тортугу. Там команда пополнила запасы еды, пресной воды и пороха. В трюм погрузили бочки с солониной, мешки сухарей, крупу и несколько ящиков рома.

— Нам нужно больше воды, — заметил мистер Якоб, осматривая припасы.

— Воды вокруг и так полно, — ответил Филипп, махнув рукой в сторону моря.

Якоб медленно повернул к нему голову.

— Она солёная.

— Значит, будем пить ром.

Мистер Якоб тяжело вздохнул, но спорить не стал.

На Тортуге к ним присоединились ещё несколько человек. Кто-то соблазнился обещанием богатой добычи, кто-то бежал от долгов, а один долговязый парень по имени Реми согласился пойти с ними после того, как проиграл Филиппу в кости. Правда, Клаус был почти уверен, что кости у нового капитана оказались поддельными.

Теперь команда насчитывала пятнадцать человек.

Отплыв от Тортуги, они взяли курс на север. Первые часы плавание проходило спокойно. Море лениво перекачивалось за бортом, паруса ровно гудели под ветром, а впереди не было ничего, кроме воды и бесконечного голубого неба.

Клаус уже начал надеяться, что хотя бы этот день обойдётся без неприятностей, когда с верха мачты раздался крик:

— Два корабля по правому борту!

Филипп тут же выхватил подозрную трубу и посмотрел в указанную сторону.

На горизонте показались два пиратских корабля. Первый был широким и тяжёлым, с тёмными парусами и красной полосой вдоль борта. Второй шёл немного позади. Он уступал первому в размерах, зато выглядел более быстрым и манёвренным. На мачтах обоих судов развевались чёрные флаги.

На лице Филиппа появилась довольная улыбка.

— Мистер Якоб, зарядите пушки и приготовьтесь к бою!

— Филипп, ты что, собрался драться?! — Клаус подбежал к нему и посмотрел на приближающиеся корабли. — Их же больше! Они нас в клочья порвут!

— А мы быстрее. Расстреляем их поодиночке — и никаких проблем! — Филипп убрал подозрную трубу и взялся за штурвал.

— Ты псих!

— Ну и отлично! Нормальный бы на такое не пошёл! — Филипп махнул рукой в сторону мачт. — Зарядить пушки! Поднять все паруса! Полный ход!

Команда бросилась выполнять приказ. По палубе загрохотали ядра, запахло порохом. Мистер Якоб распоряжался у пушек, пока остальные заталкивали заряды в стволы и готовились открыть огонь.

Корабль набирал скорость. Его нос рассекал волны, обдавая палубу холодными брызгами. Два пиратских судна начали расходиться в стороны, словно приглашая их пройти между собой.

Клаус заметил этот манёвр и насторожился.

— Они нас заманивают.

— Я вижу, — спокойно ответил Филипп.

— Тогда почему мы плывём прямо к ним?

— Потому что они думают, что мы ничего не поняли.

Клаус крепче ухватился за поручень.

— А мы поняли?

Филипп ненадолго задумался.

— Сейчас это уже неважно.

Первым огонь открыл дальний корабль. Его борт заволокло белым дымом, а через мгновение над головами просвистели ядра. Одно упало в море рядом с кораблём, подняв высокий столб воды. Второе пробило край борта, осыпав палубу щепками.

— Огонь! — крикнул Филипп.

Пушки рывкнули почти одновременно. Палуба содрогнулась, а густой пороховой дым ударил в лицо. Несколько ядер врезались в борт ближайшего корабля. Одно разбило поручни, другое пробило основание передней мачты.

Команда радостно закричала.

— Видали?! — Филипп довольно усмехнулся. — Я же говорил, что всё под контролем! В этот момент второй корабль резко повернул.

Его паруса разом изменили положение, корпус накренился, и судно быстро пронеслось у них за кормой. Почти одновременно первый корабль тоже сменил курс. Вражеские пираты действовали слаженно, будто не раз отрабатывали этот манёвр.

Корабль Филиппа оказался зажат между ними.

— Это тоже под контролем? — спросил Клаус, переводя взгляд с одного судна на другое. Улыбка медленно исчезла с лица Филиппа.

— Почти.

С двух сторон загремели выстрелы.

Но враги били не по корпусу. Цепные ядра со свистом пронеслись над палубой. Одно разорвало снасти, второе перебило рею. Огромный парус рухнул вниз, накрыв двоих матросов. Третье ядро ударило в мачту, и дерево жалобно затрещало.

— Освободить канаты! Убрать парус! — крикнул мистер Якоб, бросаясь на помощь команде.

Люди заметались по палубе, пытаясь распутать снасти. Корабль потерял скорость и начал заваливаться на бок под напором ветра.

Первое пиратское судно приблизилось справа. С его борта полетели абордажные крючья. Они цеплялись за поручни и с глухим стуком впивались в дерево. Второй корабль подошёл слева.

— Рубите канаты! — приказал Филипп.

Клаус выхватил саблю и ударил по натянутой верёвке. Рядом Реми рубил другой канат. Один крюк сорвался и исчез в воде, но на его месте тут же появились ещё три.

Борта столкнулись. Дерево жалобно заскрипело.

— К бою! — крикнул мистер Якоб, обнажая саблю.

На палубу посыпались вражеские пираты.

Клаус едва успел отбить первый удар. Он отступил, поскользнулся на мокрых досках, но удержал равновесие и снова поднял оружие. Вокруг звенела сталь, раздавались крики и ругань. Кто-то упал, получив рукоятью по голове. Другого прижали к мачте. Мистер Якоб сражался сразу с двумя противниками, но с обоих бортов продолжали прибывать всё новые враги.

Их было слишком много.

Филипп отбил удар сабли, развернулся и пнул нападавшего в живот. Тот согнулся, но тут же двое других пиратов наставили на Филиппа пистолеты.

— Всем остановиться! — крикнул он, оглядывая палубу.

Сражение прекратилось не сразу. Ещё несколько раз лязгнули клинки, кто-то получил кулаком по лицу, но постепенно шум стих.

Все люди Филиппа остались живы. Несколько человек обзавелись порезами и синяками, один матрос лежал без сознания возле мачты, однако погибших не было. Вражеские пираты намеренно стреляли по снастям и старались брать противников живыми.

Это беспокоило Клауса сильнее, чем если бы они целились в корпус.

Пленных поставили на колени и связали им руки. Одного лишь Филиппа оставили стоять посреди палубы, окружив тесным кольцом. Вражеские пираты скалили зубы и поигрывали саблями. Один верзила с выбитым передним зубом уже начал выбирать среди канатов подходящую верёвку.

Филипп оглядел окруживших его людей и поднял руки.

— Переговоры! — громко заявил он.

Пираты начали медленно приближаться.

— Я требую разговора с капитаном! — Филипп улыбнулся так уверенно, будто это он захватил два корабля, а не его взяли в плен.

Вражеские пираты переглянулись. Затем из толпы раздался женский голос:

— Ну, я капитан! И что теперь?!

Пираты расступились, пропуская вперёд молодую девушку. На её голове была широкополая шляпа с длинным пером, на поясе висели два пистолета и тонкая шпага с серебряной гардой. Ветер трепал длинные тёмные волосы, а карие глаза смотрели насмешливо и настороженно.

Едва заметив девушку, Клаус почувствовал, как сердце пропустило удар. То же самое случилось, когда он впервые увидел Элоизу. Незнакомка была так же красива и чем-то напоминала её внешне, но в то же время сильно отличалась. В её взгляде было больше дерзости, а в улыбке таилась опасность.

Клаус помотал головой, отгоняя ненужные мысли.

— Оу... — только и произнёс Филипп.

Девушка явно показалась ему привлекательной — почти такой же привлекательной, каким он считал самого себя. Филипп выпрямился, расправил плечи и поправил усики пальцами.

— Что ж, давайте договоримся. Вы отпускаете мою команду и возвращаете мне корабль, а я, так и быть, соглашусь сдаться вам в плен.

— А может, мне прикончить вас всех, а эту посудину забрать себе? — Девушка села на поручни и положила руку на рукоять пистолета. — Корабль быстроходный, с этим не поспоришь. Только вот его капитан — дурак, который не сумел им распорядиться.

— Я предпочитаю слово «смелый», — заметил Филипп, сохраняя улыбку.

Девушка усмехнулась.

— Твоё имя, капитан?

— Филипп... Филипп Монтеро, если быть точным.

Девушка замерла. Её пальцы перестали постукивать по рукояти пистолета. Несколько мгновений она молча смотрела на Филиппа, будто перед ней стоял призрак из далёкого прошлого. Затем на её лице появилась странная улыбка, и она громко рассмеялась.

Филипп растерянно оглядел окруживших его пиратов.

— Я сказал что-то смешное?

Девушка спрыгнула с поручней и медленно подошла к нему.

— Скажи, Филипп Монтеро, ты был знаком с Мэри Скелл?

Филипп нахмурился. Он опустил взгляд, пытаясь отыскать нужное имя среди множества спутанных воспоминаний.

— Мэри Скелл... — пробормотал он, почёсывая подбородок. — Рыжие волосы, зелёные глаза и скверный характер?

Улыбка девушки стала шире.

— Значит, всё-таки помнишь.

— Может, и был знаком... Лет двадцать назад. — Филипп прищурился, внимательнее разглядывая её лицо. — А что?

— Да нет, ничего...

Девушка выхватила пистолет и приставила ствол к его груди. Филипп мгновенно перестал улыбаться. На палубе воцарилась тишина.

— Мэри Скелл была моей матерью, — произнесла девушка, не сводя с него глаз.

Филипп побледнел. Он быстро окинул её взглядом с головы до ног, затем снова посмотрел в лицо. Теперь в незнакомых чертах ему начало чудиться что-то знакомое: форма глаз, приподнятая бровь и едва заметная усмешка.

— Как тебя зовут? — тихо спросил он.

Девушка чуть сильнее прижала пистолет к его груди.

— Анхелика. Анхелика Монтеро.

Филипп несколько раз моргнул. Потом зашевелил губами, вспоминая прошлое и пытаясь что-то подсчитать.

— Монтеро?... Но тогда получается...

Анхелика склонила голову набок.

— Папа!

Филипп опешил. Его рот приоткрылся, но несколько мгновений он не мог выдавить из себя ни слова. Наконец он медленно повернулся к связанному Клаусу.

— У меня есть дочка? — удивлённо спросил он.

Клаус посмотрел сначала на Филиппа, затем на Анхелику и тяжело вздохнул.

— Почему я даже не удивлён?

На палубе повисла тишина. Несколько секунд никто не двигался — все лишь переглядывались, не зная, как отнестись к неожиданному воссоединению семьи. Наконец Голландец решил нарушить молчание.

— Ну, хоть ваша дочь — пират получше вас, капитан! — заявил он, посмотрев на Филиппа.

Многие рассмеялись. Кто-то побоялся это делать, а кому-то шутка просто не показалась смешной. Сам Филипп недовольно нахмурился, но ничего не ответил.

Анхелика убрала пистолет за пояс.

— Развяжите их всех.

Её пираты опустили оружие и принялись освобождать пленников. Филипп размял затёкшие запястья, после чего сразу задал самый важный для него вопрос:

— У вас есть ром?

— А то! — отозвался один из пиратов Анхелики, хлопнув ладонью по ближайшей бочке.

Дальнейших разговоров никому не понадобилось. Три корабля убрали паруса, сбавили ход и легли в дрейф. Вскоре на палубу выкатили бочки с ромом, а недавние противники уже пили, смеялись и рассказывали друг другу небылицы.

Воздух наполнился запахом крепкого алкоголя, жареного мяса и табачного дыма. Где-то заиграла расстроенная скрипка, и несколько голосов тут же попытались подхватить знакомую песню.

Мистер Якоб вместе с тремя пиратами из команды Анхелики, шатаясь и обнимая друг друга за плечи, во весь голос распевал что-то о золоте, море и неверной женщине. Слова песни они явно знали по-разному, но это никого не беспокоило.

Клаус долго стоял в стороне, наблюдая за весельем. Наконец один из пиратов сунул ему в руку кружку. Клаус осторожно понюхал ром, поморщился и сделал небольшой глоток.

Горло обожгло так, будто он проглотил раскалённый уголь. Клаус закашлялся, едва не выронив кружку, а стоявшие рядом пираты громко расхохотались. После второго глотка он поклялся, что больше в жизни не притронется к рому.

Голландец и Реми о чём-то оживлённо беседовали с боцманом другой команды. Они то и дело указывали на повреждённые снасти и спорили, чей капитан совершил более безумный поступок за последние несколько лет.

Анхелика и Филипп тем временем сидели на капитанском мостике. Между ними стояла открытая бутылка рома. Шум праздника доносился сюда приглушённо, смешиваясь с плеском волн и скрипом корабельных досок.

Филипп уже заметно опьянел. Он покачивался на месте и время от времени шурился, пытаясь сосредоточить взгляд на дочери.

— Так, значит... ты капитан корабля? — спросил он заплетающимся языком.

— Уже два года, — ответила Анхелика, сделав глоток прямо из бутылки. — И не одного, а целых двух.

Филипп покачал головой, будто услышал нечто совершенно невероятное.

— И как ты докатилась до такой жизни?

— Так же, как и ты, старый пень.

— Не такой уж я и старый! Мне всего-то сорок три! — Филипп оскорблённо выпрямился и едва не расплескал ром из своей кружки.

Анхелика покрутила в руках бутылку, наблюдая, как остатки рома плещутся у самого дна.

— Мама рассказывала, что ты погиб в бою... — Она ненадолго замолчала. — С крокодилами.

— Их было не меньше двадцати, — важно произнёс Филипп, подняв указательный палец. — И два из них были особенно огромными.

Анхелика посмотрела на него исподлобья.

— Всю жизнь я считала, что мой отец — придурок и жалкий человек. — Она отпила ром. — Отчасти я была права.

— Ну, только отчасти... — согласился Филипп и важно кивнул, подтверждая её слова.

Некоторое время они молча смотрели на море. На тёмной воде дрожали отблески фонарей, а под самой поверхностью изредка мелькали серебристые спины рыб.

— И куда вы направляетесь? — спросила Анхелика, опершись локтями о поручни.

Филипп широко развёл руки, будто перед ним лежал весь мир.

— Как можно дальше от смерти — в весёлую жизнь!

— Раз так, может, поможешь мне?

Анхелика повернула голову к отцу. Её голос стал серьёзнее.

— Я собиралась украсть одну вещь из Бухты Черепов. Там скоро соберутся пиратские бароны. Они устраивают торги и продают самые редкие товары, которые сумели украсть за последние годы.

— Бароны? — Филипп недоверчиво приподнял бровь. — Пираты совсем уже не те. Ещё пару лет — и короля себе изберут.

— На продажу выставили Розу Штормов.

— Звучит красиво, — заметил Филипп. — А что это такое?

Анхелика придвинулась ближе и понизила голос, хотя вокруг всё равно почти никого не осталось в сознании.

— Небольшой круглый прибор из чёрного серебра. Под синим стеклом у него восемь стрелок, и каждая показывает своё: направление ветра, силу течения, приближение шторма, туман и даже опасные водовороты. Говорят, Роза может предсказать состояние моря на три дня вперёд и указать самый быстрый путь для корабля.

Филипп перестал покачивать кружку и заинтересованно посмотрел на дочь.

— И она действительно работает?

— Если верить морякам, которые её видели. Розу украли с корабля королевского исследовательского флота. Владелец собирался продать её одному из адмиралов, но пиратские бароны предложили устроить торги. Теперь за ней охотится половина капитанов Карибского моря.

— А вторая половина просто ещё не знает о торгах, — заключил Филипп.

Анхелика кивнула.

— С таким артефактом мои корабли смогут проходить там, где остальные разобьются о рифы, уходить от военных патрулей и заранее обходить штормы. Два моих судна будут стоять целого флота.

— Почему же тот, у кого она сейчас находится, решил её продать?

— Потому что ему нужнее золото. К тому же он никогда не командовал кораблём и понятия не имеет, как пользоваться морскими приборами. Для него Роза Штормов — просто дорогая безделушка.

Филипп потёр усики и ненадолго задумался.

— А купить её нельзя?

Анхелика усмехнулась.

— Если у тебя завалилось несколько сундуков испанского золота, можешь попробовать.

— Тогда украдём, — легко согласился Филипп. — И я ещё прихвачу себе чего-нибудь.

— Не переусердствуй, а то все пираты мира захотят твоей смерти.

Филипп поднял кружку, словно собирался произнести тост.

— А разве это уже не так?

Они проговорили ещё некоторое время, споря о том, кто из них лучше управляет кораблём и кому достанется Роза Штормов после кражи. Постепенно их голоса стали тише, а паузы между словами — длиннее.

Анхелика уснула, прислонившись спиной к борту. Филипп задремал рядом, так и не выпустив из руки пустую кружку.

Хряк забрался на мостик, покрутился между ними и устроился у их ног. Никто из двоих этого даже не заметил.

Утро оказалось беспощадным.

Солнце едва поднялось над горизонтом, но его свет уже резал глаза, а каждое покачивание палубы отзывалось тяжёлым ударом в голове. По всему кораблю лежали спящие пираты. Кто-то обнимал пустую бочку, кто-то использовал вместо подушки свёрнутый канат, а мистер Якоб уснул, уткнувшись лицом в собственную шляпу.

Первым на капитанском мостике проснулся Хряк. Он поднялся, потянулся и ткнулся мокрым пятачком Филиппу в лицо.

— Уберите бекон... — пробормотал тот и попытался отвернуться.

Хряк фыркнул ему прямо в ухо.

Филипп распахнул глаза и тут же застонал, схватившись за голову.

— Кто так громко светит?

Рядом пошевелилась Анхелика. Она открыла один глаз, поморщилась и натянула шляпу на лицо.

— Если ты сейчас начнёшь кричать приказы, я выброшу тебя за борт.

Филипп попытался подняться, но корабль качнулся, и он снова опустился на палубу.

— Море сегодня ведёт себя отвратительно.

Постепенно просыпалась и остальная команда. Праздничное настроение исчезло вместе с последней каплей рома. Палубу покрывали пустые кружки, обглоданные кости и раздавленные фрукты. Воздух пах кислым вином, дымом и морской солью.

Клаус чувствовал себя лучше остальных: двух глотков рома оказалось недостаточно, чтобы свалить его с ног. Поэтому именно ему пришлось вместе с Реми расталкивать людей и напоминать, что корабль после боя сам себя не починит.

Повреждений оказалось немало. Несколько снастей были разорваны, одна рея раскололась, а главный парус зиял широкой прорехой. В мачте осталась глубокая трещина. Мистер Якоб приказал стянуть её канатами и укрепить толстыми досками до тех пор, пока они не смогут провести настоящий ремонт.

Кораблям Анхелики тоже досталось. У одного был разбит участок борта и повреждено основание передней мачты, второй лишился части поручней во время столкновения. К счастью, ни одно судно не получило пробоину ниже ватерлинии.

До полудня команды латали паруса, меняли оборванные канаты и вытаскивали из дерева застрявшие обломки. Когда временный ремонт закончился, Анхелика развернула на бочке потёртую морскую карту и указала путь к Бухте Черепов.

Сама она осталась на корабле Филиппа, чтобы показать дорогу через узкий вход. Управление двумя своими судами Анхелика поручила старшему помощнику.

— Держаться вместе, — приказала она. — У входа течение сильное. Если кого-нибудь вынесет на скалы, возвращаться за ним не будем.

Пираты посмотрели на неё с сомнением, не понимая, шутит она или нет.

Три корабля вновь подняли паруса.

Даже с повреждённой реей и залатанным полотнищем корабль Филиппа быстро набрал ход. Он легко рассекал волны и вскоре начал отрываться от двух более тяжёлых судов Анхелики. Их паруса за кормой становились всё меньше.

— Сбавить ход? — спросил Клаус, глядя на отставшие корабли.

Филипп покачал головой и крепче взялся за штурвал.

— Пусть догоняют. Хорошему кораблю вредно плестись, как старая черепаха.

Анхелика закатила глаза, но спорить не стала. Они всё равно должны были прибыть первыми и проверить, свободен ли проход.

К вечеру впереди появилась тёмная громада острова. Из моря поднимались отвесные чёрные скалы, образуя почти правильное кольцо. Когда-то здесь возвышался огромный вулкан, но его вершина провалилась внутрь, оставив после себя глубокую кальдеру, заполненную морской водой.

Со стороны открытого моря скалы казались непроходимыми. Лишь в одном месте между ними виднелась узкая расселина. Её края изгибались так, что издалика вход напоминал разинутую пасть огромного черепа.

— Бухта Черепов, — произнесла Анхелика.

Филипп поднял подзорную трубу.

— Название придумал человек с богатым воображением.

— Смотри лучше по сторонам. Здесь полно подводных камней.

Корабль убрал часть парусов и вошёл в ущелье. Чёрные стены сомкнулись с двух сторон, закрыв солнце. Ветер почти исчез, зато течение подхватило судно и потащило вперёд. Волны с грохотом разбивались о камень. В некоторых местах между бортом и скалой оставалось не больше нескольких метров.

Команда притихла. Даже Филипп перестал шутить и не отрывал взгляда от прохода. Он поворачивал штурвал по указаниям Анхелики, проводя корабль между скрытыми под водой рифами.

Наконец впереди показался свет.

Судно выскользнуло из ущелья, и перед командой открылась Бухта Черепов.

Клаус застыл у борта, не в силах отвести взгляд.

В центре огромной кальдеры возвышалось невозможное сооружение. Сотни кораблей были навалены друг на друга, образуя чудовищную пирамиду. Внизу лежали массивные галеоны и старые военные суда. На них громоздились фрегаты, торговые корабли, шхуны, обломки мачт и перевёрнутые корпуса. Некоторые суда находились так высоко, что их реи почти касались клубившихся над кальдерой облаков.

Никто не мог понять, как корабли оказались на такой высоте и кому понадобилось складывать их друг на друга. Одни корпуса выглядели древними и почерневшими от времени, другие казались почти новыми. Между ними тянулись шаткие мосты, верёвочные лестницы и деревянные площадки.

В многочисленных окнах и пушечных портах вспыхивали огни. Одни загорались, другие тут же гасли, отчего вся корабельная гора казалась живой. Временами из её глубины доносились музыка, грохот молотков и далёкие человеческие крики.

Вокруг центральной пирамиды, вдоль внутренних склонов кальдеры, кольцом раскинулся город. Дома теснились один над другим, цепляясь за чёрные скалы. Деревянные лестницы соединяли разные уровни улиц, над крышами висели мосты, а у причалов покачивались десятки судов. Повсюду горели фонари, раскрывались вывески таверн и тянулся дым из труб.

В воздухе смешались запахи соли, жареной рыбы, смолы и пороха. Гул голосов стоял даже над водой.

Филипп медленно опустил подзорную трубу.

— А здесь мне нравится.

Анхелика указала на вершину корабельной пирамиды, где среди мачт возвышался освещённый золотыми огнями зал.

— Торги начнутся завтра после заката. Роза Штормов будет там.

Филипп посмотрел на город, затем на огромную гору из кораблей. На его лице появилась знакомая улыбка.

Фрегат пришвартовался у ближайшего свободного причала. Матросы закрепили канаты, и с борта на потемневшие от воды доски опустили трап.

Филипп сошёл первым. Следом спустились Анхелика, Клаус, мистер Якоб и Хряк. Остальным было велено оставаться на корабле и закончить ремонт.

У самого причала их уже поджидал сухопарый мужчина в выцветшем синем камзоле. Под мышкой он держал толстую книгу, а за ухом торчало обгрызенное перо.

— Стоянка у причала — четыре реала! — объявил управляющий портом, раскрыв книгу. — И назовите имя капитана и корабля.

Филипп сунул руку в карман и wygrеб оттуда несколько монет. Две оказались медными, одна — испанской, а четвёртая и вовсе напоминала сплюснутую пуговицу. Управляющий недоверчиво осмотрел плату, но всё же сгрёб её в ладонь.

— Имя капитана? — повторил он.

— Фелипе Монтойя, — без запинки ответил Филипп.

Анхелика медленно повернула к нему голову, но промолчала.

Управляющий обмакнул перо в маленькую чернильницу, висевшую у него на поясе.

— А корабль?

Филипп оглянулся на фрегат. В его глазах появилась гордость, словно корабль был не просто судном, а произведением искусства, созданным исключительно ради него.

— «Великолепный Филипп».

Перо управляющего замерло над страницей.

— Капитан Фелипе Монтойя, а корабль называется «Великолепный Филипп»?

— Совпадение, — невозмутимо ответил Филипп. — Филиппов на свете много. Великолепных, правда, значительно меньше.

Мистер Якоб прикрыл лицо ладонью.

— Ты назвал корабль в честь себя? — спросил Клаус, когда они отошли от причала.

— Не в честь себя, — поправил его Филипп. — В знак уважения.

— К себе?

— А кто ещё проявит инициативу?

Анхелика усмехнулась и повела их к центральной части города.

Улицы Бухты Черепов оказались ещё шумнее, чем выглядели с воды. Между домами, построенными из досок, обломков мачт и целых корабельных кают, сновали пираты со всего света. Над головами висели выцветшие флаги, сохло бельё и тянулись канаты с клетками, бочками и корзинами. Торговцы кричали наперебой, предлагая оружие, карты, украденные драгоценности, сушёных змей и неизвестные Клаусу порошки в разноцветных склянках.

Филипп незаметно стащил с прилавка красное яблоко, вытер его о рукав и с хрустом откусил.

— Значит, у нас есть ещё целый день? — спросил он, шагая рядом с Анхеликой. — Времени достаточно, чтобы придумать план. Как ты собираешься выкрасть Розу из логова, которое находится в нескольких сотнях метров над землёй и до зубов набито пиратами?

Анхелика ловко увернулась от двух матросов, тащивших тяжёлый сундук.

— На торги может прийти любой желающий. Там можно продать что угодно и купить что угодно. Чтобы войти, не обязательно иметь горы золота. Иногда вещи уходят даже за бутылку хорошего рома.

Филипп поморщился и крепче прижал к себе флягу, висевшую на поясе.

— Как дорого.

— И как это нам поможет? — спросил мистер Якоб, шагавший позади. — Наш капитан ром точно не отдаст, а баронам ведь нужно золото, не так ли?

— Товары баронов выставляют последними, чтобы ими завершить торги, — объяснила Анхелика. — До этого все самые дорогие вещи хранят в защищённом помещении под залом. У нас будет время найти Розу, забрать её и уйти до того, как кто-нибудь поймёт, что произошло.

— То есть плана у тебя пока нет, — заключил Филипп.

Анхелика бросила на него недовольный взгляд.

— У меня был план. Потом появился ты.

— Значит, теперь у тебя будет хороший план.

Они дошли до основания корабельной пирамиды. Вблизи сооружение выглядело ещё более невероятным. Огромные корпуса лежали друг на друге под самыми разными углами. Между ними были проложены лестницы, мостки и подвесные переходы. Некоторые корабли вросли в соседние так глубоко, что невозможно было понять, где заканчивался один и начинался другой.

Входом служила широкая пробоина в борту старого галеона. Над ней висела доска с нарисованной белой стрелкой и надписью: «ВЕРХ».

Филипп посмотрел на уходившую в темноту лестницу.

— Очень полезная надпись. А я уже собирался копать вниз.

Внутри пахло сырой древесиной, смолой и дымом. Бывший пушечный отсек превратили в крытый рынок. Между орудиями стояли прилавки, а из пушечных портов наружу выступали деревянные балконы. Где-то жарили мясо, неподалёку спорили о цене на пару пистолетов, а в углу старуха гадала пиратам по костям.

Анхелика уверенно направилась к дальней лестнице.

Подъём оказался долгим. Сначала они шли по широким ступеням внутри галеона, затем перебрались по подвесному мосту на лежавший боком фрегат. Оттуда пришлось подниматься по верёвочной лестнице, проходить через бывшую капитанскую каюту и снова выходить наружу.

Чем выше они поднимались, тем сильнее ощущался ветер. Внизу город постепенно превращался в беспорядочное море крыш и огней. Причалы уже казались тонкими тёмными линиями, а корабли у них — игрушечными лодками.

Филипп остановился на очередной площадке и тяжело опёрся руками о колени.

— Когда-нибудь, — выдохнул он, — какой-нибудь великий человек придумает комнату, которая сама будет поднимать людей наверх на канатах.

Анхелика указала на большую деревянную клетку, медленно ползущую вдоль мачты. Несколько матросов внизу крутили ворот, поднимая в ней бочки.

— Уже придумали.

Филипп проводил клетку взглядом.

— Нет. Там нет кресла, подушек и человека с подносом рома. Это просто ящик на верёвке.

— Можем посадить тебя в бочку и поднять вместе с грузом, — предложил Клаус.

— Ты начинаешь слишком много шутить для юнги.

Хряк, которому лестницы надоели раньше всех, недовольно хрюкнул и лёг поперёк прохода. Клаусу пришлось взять его на руки. Поросёнок оказался тяжелее, чем выглядел, и уже через два пролёта Клаус начал жалеть, что не оставил его на корабле.

Примерно на середине пути они добрались до широкого яруса, устроенного на палубах трёх соединённых между собой кораблей. Здесь находились таверны, игорные дома и оружейные лавки. Между мачтами висели сотни фонарей, хотя до заката оставалось ещё несколько часов.

Анхелика остановилась у торговца картами и сделала вид, что рассматривает его товар. Филипп встал рядом, продолжая жевать яблоко.

— Видишь корабль с позолоченной кормой? — тихо спросила она, едва заметно кивнув вверх.

Над ними, на несколько ярусов выше, между двумя огромными корпусами был зажат испанский галеон. Его борта украшала потускневшая резьба, а вдоль палубы ходили вооружённые люди в красных повязках.

— Вижу.

— Внутри находится хранилище. Над ним расположен зал торгов. Все ценные вещи поднимают туда перед самым выходом на сцену.

Мистер Якоб проследил за её взглядом.

— Охраны много.

— Это только снаружи, — сказала Анхелика. — Внутри будет ещё больше.

— Прекрасно, — пробормотал Клаус. — А выход у них там есть?

— Один главный, через верхнюю палубу. Второй служебный — через кормовые галереи. Есть ещё грузовой люк, но он открывается только изнутри.

Филипп бросил огрызок яблока в стоявшее неподалёку ведро. Тот ударился о край и упал на пол.

— Значит, войдём через главный вход, выйдем через служебный, а если всё пойдёт плохо — сделаем новый.

— Из чего? — спросил Клаус.

Филипп похлопал по рукояти пистолета.

— Из стены.

Анхелика покачала головой и снова двинулась вверх.

У следующего перехода путь им преградили двое охранников. На груди у обоих висели медные жетоны с изображением черепа в короне.

— Наверх только участникам торгов, продавцам и их людям, — заявил один из них.

Анхелика достала из внутреннего кармана сложенный лист с красной печатью.

— Капитан Анхелика Монтеро. Я заявила лот три дня назад.

Охранник развернул бумагу, долго всматривался в написанное, затем перевёл взгляд на Филиппа, Клауса, мистера Якоба и Хряка.

— А это кто?

— Моя команда.

— Поросёнок тоже?

Хряк сердито фыркнул.

Филипп наклонился к охраннику.

— Он отвечает за переговоры.

Охранник посмотрел на поросёнка, потом на Филиппа и решил не задавать лишних вопросов. Он поставил на бумаге чёрную отметку и отступил в сторону.

— Оружие можно оставить при себе, но если начнёте драку до окончания торгов, вас сбросят вниз. Если начнёте после — сбросят только проигравшего.

— Разумные правила, — одобительно заметил Филипп.

За пропускным пунктом людей стало меньше, зато охраны — больше. На каждом переходе стояли вооружённые пираты. Некоторые держали мушкеты, другие — короткие копья. На верхних палубах виднелись небольшие пушки, направленные на мосты и лестницы.

— Глядишь, и выйти не успеем, как нас встретят пушечным залпом, — тихо сказал мистер Якоб.

— Поэтому уходить нужно быстро, — ответила Анхелика.

— Или так громко, чтобы они не успели понять, куда стрелять, — добавил Филипп.

Клаус посмотрел вниз. Между досками под ногами виднелась далёкая вода кальдеры.

— Я бы предпочёл быстро.

Наконец они добрались до верхних ярусов. Здесь корабли уже не лежали беспорядочной грудой, а были скреплены массивными балками и толстыми цепями. Переходы стали шире, появились резные перила, ковры и фонари в цветном стекле.

Перед залом торгов тянулась длинная площадка. По ней ходили капитаны, торговцы, наёмники и люди в дорогих камзолах. Слуги тащили сундуки, ящики и завёрнутые в ткань предметы. У входа писари проверяли имена и записывали выставленные лоты.

Анхелика подошла к одному из столов. За ним сидел толстый мужчина с тремя золотыми серьгами в левом ухе.

— Имя? — спросил он, не поднимая головы.

— Анхелика Монтеро.

Писарь провёл пальцем по длинному списку.

— Ваш лот — пара серебряных пистолетов французского губернатора. Номер тридцать семь. Выход ближе к середине торгов.

Он протянул ей круглый медный жетон с выбитым числом.

— Не потеряйте. Без жетона деньги или обменный товар не выдаются.

Анхелика забрала жетон и отошла от стола.

— Значит, ты действительно собиралась что-то продать, — заметил Филипп.

— Нужно было попасть внутрь, не вызывая подозрений.

До начала торгов оставалось несколько часов. Они осмотрели площадку и нашли дверь, за которой начиналась узкая служебная лестница. Рядом постоянно дежурили двое охранников, а над дверью висел колокол.

Чуть дальше располагался грузовой подъёмник — большая клетка из толстых досок и железных прутьев. С её помощью товары поднимали с нижних ярусов прямо к залу. Механизм приводили в движение четыре матроса, крутившие огромный ворот.

Анхелика остановилась у перил и посмотрела вниз, туда, где под залом пряталось хранилище.

— Розу поднимут только перед последними торгами. До этого она останется внизу.

— Тогда спускаемся, забираем её и уходим, — сказал Филипп.

Мистер Якоб нахмурился.

— Через дверь с охраной и колоколом?

— Не обязательно через дверь.

Филипп поднял голову. Над служебной лестницей тянулись канаты грузового подъёмника. Один проходил вдоль борта соседнего корабля и исчезал в раскрытом пушечном порту этажом ниже.

Анхелика заметила направление его взгляда.

— Через грузовой люк можно попасть почти к самому хранилищу. Но решётка открывается только изнутри.

— Значит, кто-то войдёт обычным путём и откроет её, — произнёс Клаус.

Все посмотрели на него.

Клаус насторожился.

— Почему вы так на меня смотрите?

— Ты самый молодой, — ответила Анхелика.

— И самый худой, — добавил мистер Якоб.

Филипп положил руку ему на плечо.

— И мы все в тебя верим.

— Мне уже не нравится этот план.

— Не бойся, мы его ещё даже не придумали.

Они отошли от площадки и устроились в небольшой таверне, занимавшей бывшую капитанскую каюту. Через широкие окна был виден почти весь верхний ярус. Филипп заказал

бутылку рома, несмотря на тяжёлое утро, и разложил на столе несколько украденных по дороге салфеток.

На одной из них Анхелика углём начертила примерное расположение зала, хранилища, служебной лестницы и грузового подъёмника.

План получался простым лишь на словах. Анхелика должна была находиться в зале как продавец и следить за торгами. Мистеру Якобу предстояло остаться у выхода и подготовить путь к отступлению. Филипп и Клаус должны были пробраться к служебной лестнице, спуститься на один ярус и найти способ открыть грузовой люк.

— А потом мы забираем Розу, спускаемся на подъёмнике и возвращаемся на корабль, — закончил Филипп, проведя пальцем по кривой линии на салфетке.

— Подъёмник идёт только между верхними ярусами, — напомнила Анхелика. — До причала всё равно придётся спускаться пешком.

Филипп мрачно посмотрел в окно на бесконечные лестницы.

— Тогда Роза Штормов должна уметь не только предсказывать погоду, но и лечить ноги.

— Сначала доберись до неё.

— Я бы добрался гораздо быстрее, если бы кто-нибудь наконец построил нормальную поднимающуюся комнату.

Клаус отпил воды и покачал головой.

— Ты всё ещё думаешь об этом?

— Великие изобретения требуют времени.

Постепенно солнце опустилось за края кальдеры. Бухту накрыла тень, и тысячи фонарей вспыхнули на корабельной пирамиде. Снизу донёсся грохот барабанов. По переходам потянулись новые гости, а охрана у зала удвоилась.

Анхелика спрятала салфетку с планом за пазуху и поднялась из-за стола.

— Пора.

Они вернулись к залу торгов. У входа уже собралась пёстрая толпа: капитаны в дорогих камзолах, покрытые шрамами пираты, торговцы из далёких стран и люди, чьи лица скрывали маски. Оружие блестело у каждого второго, но никто не решался нарушить правила раньше времени.

Створки дверей распахнулись.

Внутри находился огромный зал, устроенный на верхней палубе старого галеона. Вместо крыши над ним натянули алые полотнища. По обе стороны стояли ряды скамей, а впереди возвышалась сцена с длинным столом. За спиной ведущего висели флаги пиратских баронов.

Филипп окинул зал внимательным взглядом. У каждой двери стояли охранники. Под потолком тянулись балки и канаты, а возле сцены темнел закрытый решёткой грузовой люк.

Анхелика заняла место ближе к проходу. Мистер Якоб сел у задней двери. Филипп и Клаус расположились рядом, стараясь ничем не выделяться.

Хряк улёгся под скамьёй у ног Клауса.

Постепенно разговоры стихли. На сцену поднялся высокий худой мужчина в чёрном камзоле. Вместо левого глаза у него поблёскивала золотая пластина. Он медленно оглядел собравшихся, поднял небольшой молоток и ударил им по столу.

— Капитаны, торговцы, воры и убийцы! — произнёс он. — Торги Бухты Черепов объявляются открытыми!

— А главные гости сегодняшнего вечера — пять пиратских баронов, каждый из которых привёз собственный лот! — объявил ведущий.

Он указал на верхнюю галерею. Там, в отдельных ложах, расположились пятеро людей, ради которых многие капитаны и прибыли в Бухту Черепов. Их места охраняли вооружённые телохранители, а над каждым креслом висел личный флаг.

— Барон Фернандо Наварро и его Фонарь Глубин! Его свет не гаснет под водой и позволяет увидеть рифы, затонувшие корабли и морских хищников там, куда не проникают солнечные лучи!

Седой испанец в тёмно-красном камзоле слегка поднял кубок, приветствуя собравшихся.

— Барон Мигель Авила и Роза Штормов! Восемь её стрелок предсказывают ветер, течение, туман и приближение бури на три дня вперёд!

По залу прокатился возбуждённый гул. Мигель Авила сидел неподвижно, сложив руки на груди. За его спиной висел зелёный флаг с изображением змеи, обвившей якорь.

— Баронесса Мари Бушар и Чёрная Вуаль! Пока она закрывает лицо, шаги и дыхание владельца невозможно услышать даже в полной тишине!

Светловолосая женщина в кружевной маске наклонила голову, принимая приветственные возгласы.

— Барон Фрэнсис Кортни и Дальнотзор капитана! Эта подзорная труба позволяет видеть сквозь ночной мрак, туман и проливной дождь, если цель находится над морем!

Англичанин с повязкой на шее равнодушно поднял руку, не отрываясь от бокала вина.

— И барон Уильям Рэли и Монета Предостережения! Она нагревается в руке, если выбранный владельцем путь ведёт к засаде, кораблекрушению или иной смертельной опасности!

Широкоплечий барон с густой рыжей бородой ударил ладонью по столу, требуя от собравшихся больше шума.

Ни одного из названных артефактов в зале не было. До своего выхода на сцену все пять лотов хранились внизу, за железными дверями и под охраной людей пиратских баронов.

Каждый артефакт мог дать капитану серьёзное преимущество, но ни один не обещал полной безопасности. Фонарь не защищал от обитателей глубин, Вуаль скрывала только звук, Дальнотзор не видел сквозь стены, а Монета предупреждала об опасности, но не объясняла, откуда она придёт. Даже Роза Штормов могла лишь предсказать море, но не подчинить его.

— Сегодня нас посетили пять из двенадцати пиратских баронов! — продолжил ведущий. — Бухта Черепов рада приветствовать их на наших торгах. Лоты баронов будут выставлены последними, а пока посмотрим, что привезли остальные!

Молоток ударил по столу.

— Первый лот принадлежит капитану Маартену Бруку!

На сцену вынесли небольшой деревянный ящик, обитый потемневшей медью. Ведущий открыл крышку и достал старые карманные часы на серебряной цепочке. Стрелки за мутным стеклом не двигались.

— Часы адмирала де ла Круа! Они остановились в тот миг, когда адмирал получил пулю в сердце. По словам владельца, перед смертью нового хозяина часы снова начинают идти. Начальная цена — двадцать реалов!

Ставки посыпались со всех сторон. Одни предлагали золото, другие — оружие, порох и ром. Один пират попытался отдать за часы живую обезьяну, но ведущий отказался принимать её после того, как та укусила помощника.

Торги продвигались медленно. Вторым лотом стал серебряный протез руки со спрятанным внутри однозарядным пистолетом. Третьим — карта испанских сторожевых постов на Кубе. Следом продали пару кинжалов, шкатулку с контрабандными драгоценностями и клетку с птицей, умевшей ругаться на четырёх языках.

Пираты выкрикивали цены, перебивали друг друга и предлагали взамен самые странные товары. Иногда спор становился таким громким, что ведущему приходилось несколько раз ударять молотком по столу.

Бароны наблюдали за происходящим с верхней галереи. Они держались в стороне от остальных гостей и редко участвовали в обычных торгах. Фернандо Наварро обсуждал что-

то с телохранителем. Мари Бушар разглядывала выставленные товары через маленький театральный бинокль. Фрэнсис Кортни пил вино, а Уильям Рэли развлекался тем, что время от времени завышал цену на понравившиеся другим капитанам вещи.

Анхелика следила служебными дверями и работниками аукциона.

Через каждые несколько лотов из бокового прохода появлялись двое грузчиков в серых фартуках. Они доставляли очередной товар на сцену, а затем возвращали вниз пустую тележку и упаковку. На плечах у работников были повязаны красные ленты. К ручке каждой тележки крепилась небольшая свинцовая пломба с номером лота и печатью хранилища.

Без такой пломбы ни одна тележка не могла пройти через нижний пост охраны.

Мистер Якоб сидел возле заднего выхода. Под полкой его камзола были спрятаны два серых фартука и красные ленты, которые он стащил у работников ещё до начала торгов.

На десятом лоте Якоб опустил свёрток под последнюю скамью. Филипп заметил его движение, но не подал виду.

Одиннадцатым лотом оказался короткий мушкет с двумя стволами. Двенадцатым — ящик редких лекарств, украденный с французского военного корабля. За него разгорелась ожесточённая борьба между тремя капитанами.

Пока собравшиеся выкрикивали ставки, Филипп нагнулся, будто поправляя сапог, и забрал оставленный мистером Якобом свёрток. Один фартук он спрятал под камзолом, второй незаметно передал Клаусу.

Тринадцатый лот — серебряная сабля с рукоятью в форме головы волка — надолго задержался на сцене. Ведущий проверял металл, а владелец спорил с покупателем о том, настоящие ли рубины вставлены в гарду.

Анхелика положила на край скамьи медный жетон продавца. Филипп накрыл его ладонью и забрал. Жетон позволял владельцу покинуть зал и проверить свой товар до его выхода на сцену.

Четырнадцатым номером объявили три запечатанных кувшина с порошком, который вспыхивал даже на мокрой древесине. Помощники осторожно расставили их на столе, и внимание большей части гостей сосредоточилось на сцене.

Филипп поднялся первым. Клаус последовал за ним. Они не пытались красться или прятаться за спинами других гостей. В таком месте спокойный и уверенный человек привлекал меньше внимания, чем тот, кто озибался по сторонам.

Охранник у задней двери преградил им путь древком короткого копья.

Филипп показал жетон с номером тридцать семь.

— Проверим товар капитана Монтеро перед торгами.

Охранник посмотрел на жетон, затем нашёл имя Анхелики в списке продавцов. После недолгого колебания он отступил в сторону.

Дверь закрылась за Филиппом и Клаусом, приглушив шум зала.

В узком служебном коридоре горели редкие масляные лампы. По нему сновали писари, охранники и грузчики. Никто не обращал внимания на двух гостей, пока те не мешали работе.

Филипп свернул за штабель пустых ящиков. Там они быстро надели серые фартуки и повязали на плечи красные ленты. Шляпу Филипп спрятал за одним из ящиков, после чего пригладил волосы ладонью.

Переодевание не делало их настоящими работниками, но теперь окружающим требовалась причина, чтобы присмотреться внимательнее.

Они взяли за пустую тележку и покатали её по коридору. Филипп шагал впереди с таким видом, будто работал здесь всю жизнь. Клаус старался не смотреть на охранников и лишь крепче держался за ручку.

Служебная лестница находилась за поворотом. Возле двери дежурили двое мужчин с короткими мушкетами, а над косяком висел небольшой колокол.

Один из охранников остановил тележку.

— Куда?

Филипп молча показал жетон Анхэлики и указал вниз.

Охранник сверился со списком, висевшим на стене.

— Тридцать седьмой лот ещё не готовят.

Филипп недовольно постучал пальцем по тележке, затем указал сначала на верхний зал, потом на жетон и пожал плечами, изображая работника, которому отдали непонятный приказ.

Второй охранник не стал разбираться.

— Пусть идут. Если писари опять перепутали номера, сами и получают.

Дверь открылась. Колокол над ней слегка качнулся, но не зазвонил.

Филипп и Клаус покатали тележку вниз по наклонному настилу. Доски глухо грохотали под колёсами. Слева тянулись канаты грузового подъёмника, справа сквозь открытые пушечные порты мерцали огни Бухты Черепов.

Внизу находилось помещение, где товары готовили к выносу. На длинных столах лежало оружие, украшения и необычные предметы, укрытые тканью. Работники крепили к ним номера, проверяли упаковку и перекладывали всё на тележки.

В дальней стене виднелась массивная железная дверь хранилища. Рядом с ней сидел пожилой писарь с толстой книгой, а по обе стороны стояли вооружённые пираты.

Клаус посмотрел на жетон тридцать семь, затем на табличку возле двери. Сейчас из хранилища готовили только шестнадцатый лот. Если они попытаются пройти со знаком Анхэлики, их сразу остановят.

Филипп направил тележку к груде пустых ящиков у стены. Они остановились там, будто ожидали дальнейших указаний.

Через несколько минут сверху спустилась другая тележка. На её ручке висела свинцовая пломба с номером шестнадцать. Внутри лежал пустой футляр, выложенный красным бархатом. Товар уже отправили на сцену, а упаковку теперь следовало вернуть в хранилище.

Грузчик, кативший тележку, остановился посреди помещения. Старший работник окликнул его и приказал помочь поднять на весы тяжёлый сундук. Мужчина оставил тележку и поспешил к остальным.

Филипп немного подождал. Никто не смотрел в их сторону.

Он спокойно взялся за ручку тележки с пломбой. Клаус подхватил её с другой стороны, и вместе они покатали к железной двери. Свою пустую тележку они оставили среди таких же у стены.

Пожилой писарь поднял голову.

— Номер?

Филипп повернул к нему пломбу.

— Шестнадцать.

Писарь нашёл нужную строку в книге. Пломба, футляр и номер совпадали. Он поставил отметку и махнул охранникам.

Железная дверь открылась.

За ней находился короткий коридор, освещённый синими стеклянными лампами. В его конце стояла вторая дверь — ещё толще первой и покрытая рядами заклёпок. Между дверями дежурил один охранник с большой связкой ключей.

Филипп и Клаус провезли тележку внутрь. Первая дверь захлопнулась за их спинами.

Охранник откинул крышку футляра, провёл рукой по пустой бархатной выемке и проверил свинцовую пломбу. Затем выбрал ключ и отпер внутреннюю дверь.

Из хранилища как раз выходили двое работников с очередным товаром, накрытым плотной тканью. Филипп прижал тележку к стене, пропуская их. Под тканью угадывались очертания длинного изогнутого предмета, но рассмотреть его не удалось.

Когда проход освободился, охранник указал внутрь.

— Футляр на шестой стеллаж. Тележку оставить у стены.

Филипп коротко кивнул. Клаус толкнул тележку через порог.

Охранник не стал сопровождать их. Красные ленты, правильная пломба и пустой футляр делали их частью привычного порядка.

Они вошли в хранилище.

За спиной с тяжёлым скрежетом закрылась внутренняя дверь. Шум торгов исчез, остались лишь скрип старого дерева и слабое потрескивание синих ламп.

Перед Филиппом и Клаусом тянулись ряды сундуков, запечатанных ящиков и накрытых тканью артефактов. Где-то среди них хранились пять лотов пиратских баронов — в том числе Роза Штормов.

— И как в такой куче найти нужную нам Розу? — Клаус оглядел бесконечные ряды сундуков и ящиков. — У нас всего несколько минут.

— Они должны как-то различать лоты. Ищи номера, знаки, гербы — что угодно.

Филипп перевернул ближайший ларец. На днище было выжжено число двадцать три. Внутри, судя по тихому звону, лежали монеты или драгоценные камни.

Следующий сундук оказался двадцатым. Под тканью рядом с ним обнаружилась золотая корона, украшенная мелкими рубинами. Чуть дальше стояли футляры с оружием, запечатанные шкатулки и необычные предметы, назначение которых Клаус не смог бы угадать даже под угрозой смерти.

На каждом обычном лоте был номер. Товары баронов хранились отдельно — у дальней стены, за толстой цепью. Вместо чисел на их ящиках стояли восковые печати с личными знаками владельцев.

Клаус быстро осмотрел их. На первой печати был изображён фонарь над волнами, на второй — закрытый глаз, на третьей — подзорная труба. Наконец он увидел зелёный оттиск со змеёй, обвившей якорь.

— Филипп! Здесь знак Мигеля Авилы!

Они вдвоём сняли с небольшого ящика тяжёлую цепь. Крышка была запечатана зелёным воском, но Филипп поддел печать тонким лезвием и осторожно отделил её от дерева, почти не повредив.

Внутри, на тёмно-синем бархате, лежала Роза Штормов.

Она напоминала большой круглый компас из чёрнёного серебра. Под выпуклым синим стеклом двигались восемь тонких стрелок. Ни одна из них не указывала на север. Одни подрагивали, другие медленно вращались, а самая короткая застыла, направившись прямо на Филиппа.

— Надеюсь, она не показывает на ближайшую опасность, — пробормотал Клаус.

— Тогда ей придётся всё время указывать на меня.

Филипп вынул Розу из бархатного углубления. Под ней обнаружилась небольшая табличка с выгравированными обозначениями восьми стрелок.

Просто забрать артефакт было нельзя. Пустой футляр заметили бы при первом же осмотре.

Клаус принялся искать что-нибудь похожее по размеру. В одном из открытых ящиков он нашёл обычный морской компас в потёртом латунном корпусе. Тот был меньше Розы, но после нескольких слоёв ткани почти точно лёг в бархатное углубление.

Филипп закрыл крышку и прижал на прежнее место восковую печать. Трещина осталась, однако издали её было трудно заметить.

— Этого хватит, пока футляр не откроют перед торгами, — сказал он.

Розу Клаус завернул в кусок тёмной ткани. Оставалось придумать, как вынести её из хранилища.

Филипп тем временем продолжил осматривать стеллажи. Вскоре он обнаружил узкий футляр с номером тридцать семь.

— Пистолеты Анхелики, — догадался Клаус.

Филипп открыл футляр. На красном бархате лежали два серебряных пистолета с богато украшенными рукоятками. Между ними оставалось достаточно места для Розы Штормов.

Клаус уложил свёрток внутрь и прикрыл его запасными кусками ткани. После этого Филипп закрыл футляр и взял его под мышку.

— Ты ведь понимаешь, что с ним нас сразу заметят?

— Поэтому мы не понесём его в руках.

У стены уже стояла тележка с девятнадцатым лотом. На ней находился крупный сундук, оплетённый железными полосами. К ручке была прикреплена свинцовая пломба с нужным номером: товар готовили к отправке вверх.

Филипп лёг на пол и закрепил футляр с пистолетами под днищем тележки двумя ремнями, снятыми с пустого ящика. Со стороны его нельзя было увидеть, если только кто-нибудь не решит заглянуть под колёса.

Перед уходом он задержался возле ларца под номером двадцать три. Крышка легко поддалась, открыв россыпь зелёных камней.

Филипп взял небольшую бархатную шкатулку и спрятал её под фартуком.

Клаус молча посмотрел на него.

— Что? — Филипп закрыл ларец. — Нельзя же уходить с торгов без покупки.

Они взялись за тележку и покатали её к выходу. Тяжёлый сундук девятнадцатого лота скрывал закреплённый снизу футляр, а правильная пломба не вызывала подозрений.

Охранник открыл внутреннюю дверь и сверил номер с записью в своей книге. Осматривать днище тележки он не стал. Филипп и Клаус прошли через короткий коридор, миновали вторую дверь и вернулись в помещение подготовки.

Там тележку сразу забрали двое работников. Пока они спорили, кому толкать тяжёлый груз вверх, Филипп опустился на колено, будто поправляя ремень сапога, перерезал крепления и вытащил футляр из-под днища.

Они спрятали его за штабелем пустых ящиков, сняли фартуки и красные ленты. Филипп забрал свою шляпу, после чего накинуд на футляр старую ткань. Теперь тот выглядел как обычная поклажа.

Вернувшись в зал, они услышали, как ведущий объявляет девятнадцатый лот. Значит, всё заняло гораздо меньше времени, чем опасался Клаус.

Филипп и Клаус заняли прежние места. Анхелика не повернула головы, но заметила лежавший у ног Филиппа свёрток. Мистер Якоб тоже всё понял и едва заметно кивнул.

Через несколько минут Якоб поднялся со скамьи.

— Денег всё равно нет, а смотреть на чужое богатство мне надоело, — громко проворчал он и направился к выходу.

Охранники не стали его задерживать.

После следующего лота зал покинули Филипп и Клаус. Филипп нёс футляр на плече, изображая человека, который забрал собственные вещи. Медный жетон Анхелики всё ещё оставался у него, поэтому на выходе лишних вопросов не возникло.

Сама Анхелика уйти не могла. Её имя значилось в списке продавцов, а пистолеты должны были выставить под номером тридцать семь. Внезапное исчезновение сразу вызвало бы подозрения. Ей оставалось ждать и надеяться, что остальные успеют добраться до корабля прежде, чем пропажу обнаружат.

Торги продолжались.

Когда дошла очередь до тридцать седьмого лота, на сцену никто не вышел. Ведущий постучал молотком, посмотрел в сторону служебной двери и подозвал помощника. Тот выслушал его, после чего поспешил вниз.

— Эй, а где мой лот?! — возмутилась Анхелика, поднимаясь со скамьи.

— Минуту, капитан Монтеро. Мы уже разбираемся.

Зал постепенно затих. Прошла минута, затем другая. Несколько баронов подались вперёд, наблюдая за служебным входом. Мигель Авила перестал лениво вращать золотую монету и отложил её на стол.

Наконец помощник вернулся. Он был бледен и тяжело дышал. Мужчина подбежал к ведущему и что-то прошептал ему на ухо.

Тот медленно поднялся и несколько раз ударил молотком по столу.

— Просим всех сохранять спокойствие! В хранилище проникли воры. Пропали лот номер двадцать три — ларец португальских изумрудов, лот номер тридцать семь — серебряные пистолеты французского губернатора, а также Роза Штормов, принадлежавшая барону Мигелю Авиле.

По залу прокатился возмущённый гул. Анхелика побледнела и схватилась за рукоять пистолета, изображая ярость человека, которого только что ограбили.

— Никому не покидать зал! — продолжил ведущий. — Мы осмотрим всех присутствующих и будем выпускать вас по одному. Украденные вещи вернут владельцам, а за ущерб будет выплачена компенсация!

Все двери тут же закрылись. Возле них встали вооружённые охранники.

Анхелика опустилась на место. Хряк высунул морду из-под скамьи и тихо хрюкнул. Она наклонилась, почесала его за ухом и посмотрела на закрытые двери.

Теперь ей предстояло выбраться самостоятельно.

Тем временем Филипп, Клаус и мистер Якоб уже спускались по лестницам корабельной пирамиды. Сначала они старались идти спокойно, но, услышав далёкий звон тревожного колокола, бросились бежать.

Они перепрыгивали через ступени, проталкивались между пиратами и едва не снесли торговца, нёсшего корзину с живыми крабами. Филипп прижимал к груди украденный футляр и на ходу придерживал шляпу.

Погони за ними пока не было. Видимо, в верхних ярусах ещё пытались выяснить, кто именно проник в хранилище, а новость о краже не успела добраться до нижнего города.

— Сработали на удивление чисто! — заявил Филипп, перескакивая через две ступени.

— Я сам в шоке, что твой план наконец-то сработал! — отозвался Клаус.

Филипп оскорблённо посмотрел на него.

— Вот все вы меня обижаете. Один только Хряк меня понимает...

Он резко остановился посреди лестницы.

— А где Хряк?

Клаус едва не врезался ему в спину.

— С Анхеликой! Она ему явно приятнее, чем ты. Бежим быстрее!

Филипп обиженно посмотрел вверх, туда, где над мачтами возвышался зал торгов. Затем крепче прижал футляр к груди и продолжил спуск.

Когда они добрались до причала, ноги у Клауса дрожали от усталости. Однако Анхелика уже стояла на палубе «Великолепного Филиппа», держа Хряка под передними ногами. Поросёнок болтался в её руках и недовольно хрюкал.

Филипп остановился у трапа.

— Как ты успела раньше нас?

— Меня осмотрели первой, потому что я одна из ограбленных, — ответила Анхелика.

— А потом я спустилась на грузовом подъёмнике.

Она указала на деревянную клетку, висевшую над соседним причалом.

Филипп несколько секунд смотрел на неё.

— А я говорил, что это великое изобретение!

— На борт! — приказала Анхелика. — Скоро здесь будут искать ваши головы.

Команды трёх кораблей уже готовились к отплытию. Матросы рубили швартовы, поднимали паруса и отталкивались длинными шестами от причала. Над городом один за другим звонили тревожные колокола. На верхних переходах появлялись вооружённые люди, но внизу ещё не понимали, какой именно корабль нужно остановить.

«Великолепный Филипп» первым отошёл от причала. Два корабля Анхелики последовали за ним.

На палубе Филипп открыл футляр и достал завернутую в ткань Розу Штормов. Под синим стеклом по-прежнему двигались восемь серебряных стрелок.

Анхелика выхватила артефакт у него из рук и внимательно осмотрела.

— Она настоящая.

— Ты сомневалась? — Филипп вынул из кармана бархатную шкатулку с изумрудами. — Я даже взял плату за работу.

Анхелика медленно перевела взгляд на драгоценности.

— Из-за тебя они поняли, что это была кража, а не ошибка работников.

— Зато теперь никто не заподозрит, что нам была нужна только Роза.

Анхелика открыла рот, собираясь возразить, но ненадолго задумалась и убрала артефакт за пазуху.

— Всё равно придурок.

У входа в ущелье уже перекрывали цепь. Тяжёлые звенья медленно поднимались из воды между двумя каменными башнями.

Филипп приказал поставить все паруса. «Великолепный Филипп» рванулся вперёд, оставляя за кормой широкую полосу пены. Его мачта скрипела, залатанный парус хлопал на ветру, но быстрый фрегат успел проскользнуть над цепью прежде, чем та полностью натянулась.

Первый корабль Анхелики прошёл следом, едва не задев днищем железные звенья. Второму пришлось открыть огонь по подъёмному механизму. Ядро разбило деревянный ворот, цепь ослабла и снова ушла под воду.

Над скалами загремели пушки. Ядра ударили по воде вокруг уходящих кораблей, но расстояние быстро увеличивалось. Ветер наполнил паруса, и Бухта Черепов начала исчезать за чёрными стенами ущелья.

Когда последние огни города скрылись из виду, по палубе прокатились радостные крики. Матросы поздравляли друг друга, а Филипп уже требовал открыть ром в честь удачной кражи.

Клаус не присоединился к веселью. Он стоял на корме, держась за поручень, и смотрел назад.

Сначала ему показалось, что между скалами мелькнула тень. Обычный корабль, покидавший бухту следом за ними. Но судно шло слишком быстро.

Оно появилось в открытом море без единого огня на палубе. Над чёрным корпусом поднимались серые, словно выцветшие от времени, паруса. Ветер дул им в спину, однако ткань почти не двигалась.

Клаус прищурился, затем схватил лежавшую неподалёку подзорную трубу и навёл её на корабль.

Палуба приблизилась.

Вдоль бортов неподвижно стояли люди. Ни один не работал со снастями и не управлял парусами. Изорванная одежда висела на иссохших телах, из глубоких ран медленно сочилась

чёрная жидкость. Один из матросов повернул голову, показав обнажённую кость вместо половины лица.

Клаус узнал их.

Те самые мертвецы, которых он надеялся больше никогда не увидеть.

На носу корабля стоял их капитан. Он медленно поднял голову и посмотрел прямо на Клауса, словно огромное расстояние между судами ничего для него не значило.

Пальцы Клауса задрожали. Он едва не выронил подзорную трубу.

Теперь сомнений не осталось.

«Молчаливая Мэри».

Клаус оглянулся на остальных. Никто не смотрел назад. Филипп спорил с Анхеликой, мистер Якоб разливал ром, а команда праздновала спасение.

Когда Клаус снова поднёс трубу к глазу, корабль стал заметно ближе.

Слишком близко.

Ещё несколько мгновений назад он едва различал его корпус, а теперь видел рваные края парусов, тёмные пушечные порты и мертвецов, застывших вдоль бортов.

«Молчаливая Мэри» стремительно приближалась.

И шла прямо за ними.